

ИНЕССА ГОЛД

ПОПАДАНКА-
АКУШЕРКА:
НА СЛУЖБЕ У КНЯЗЯ!

Инесса Голд

**Попаданка-Акушерка:
на Службе у Князя!**

«Литнет»

2026

Голд И.

Попаданка-Акушерка: на Службе у Князя! / И. Голд — «Литнет»,
2026

- Либо ты принимаешь роды у моей сестры так, чтобы об этом не узнала ни одна живая душа, либо к утру отправишься на каторгу за свои прошлые делишки, - ледяным тоном произнес князь Патронов, министр тайной полиции, чьего имени боится вся столица.- Для начала, ваша светлость, прикажите слугам вымыть полы с карболкой и снимите этот пыльный бархат с окон, - спокойно ответила я, глядя прямо в его пугающие, черные глаза.

- А потом мы обсудим мой гонорар и медицинский бюджет.В прошлой жизни мне было сорок пять. Я была заведующей отделением акушерства, верила только в скальпель и логику, пока не потеряла всё.Теперь я - Зоя, тридцатилетняя вдова-повитуха из девятнадцатого века с репутацией шарлатанки, шантажистки и торговли запрещенными отварами. Чтобы выжить и не попасть на виселицу за чужие грехи, мне придется служить самому властному и опасному мужчине Империи.В моем распоряжении нет ни антибиотиков, ни современного оборудования. Зато есть стальные нервы, знания хирурга и тайна, способная уничтожить врагов князя. Я переверну этот мрачный особняк вверх дном, научу столичных докторов мыть руки и докажу, что женщина с профессией стоит больше, чем титул.Главное - не влюбиться в своего безжалостного работодателя. Ведь он, кажется, начал видеть за маской грязной повитухи ту, кем я являюсь на самом деле...В тексте есть: Взрослая, адекватная героиня. Умный и властный герой. Медицинские будни и спасение жизней. Столкновение характеров. # Атмосфера альтернативной империи. ♥# Хэппи-энд

© Голд И., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7 (Мстислав)	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	52
Глава 14	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Глава 1

Двадцать лет в операционной научили меня одному непреложному правилу: если вокруг пахнет железистой кровью и нечистотами, значит, кто-то рождается или кто-то умирает. Сейчас отчетливо пахло и тем, и другим. А еще - мокрой, выстуженной осенними ветрами брусчаткой, по которой меня с деловитым усердием волокли за волосы.

- Пошла, пошла, ведьма травная! - хрипел сверху мужской голос, перемежаясь тяжелым, свистящим дыханием. - Упираться вздумала?

Я не упиралась. Я просто пыталась не оставить на этих булыжниках кожу с собственных коленей. Мозг, привыкший работать в режиме экстренной хирургии, функционировал с пугающей, почти циничной ясностью, отсекая панику. Память еще хранила визг тормозов на обледенелой московской трассе, хруст сминаемого металла и темноту, которая должна была стать милосердным финалом моей сорокапятилетней, выгоревшей дотла жизни. Но вместо желанного покоя я очнулась в чужом, более молодом, но сейчас зверски избитом теле.

Новая физиология откровенно сдавала. Легкие горели огнем, потому что ребра были безжалостно стянуты жестким, архаичным корсетом. Дышать приходилось мелко, по-собачьи. Подол суконной юбки намок в уличной слякоти, отяжелел килограммов на пять и путался в ногах, превращая каждый шаг в пытку.

Вокруг гомонили люди. Судя по запахам дегтя, конского навоза, сырой шерсти и немывших тел - это была отнюдь не современная столица.

- Зойка-шарлатанка! - визгливо крикнула какая-то баба из толпы, и мне в плечо смачно прилетел огрызок гнилого яблока. - Скольких девок сгубила своими зельями, гадина! Тащи ее в участок, Архип! На каторгу!

Я стиснула зубы, проглотив стон, когда конвоир Архип дернул меня сильнее. Отлично. Меня зовут Зоя, мне, судя по ощущениям в суставах, около тридцати, и у меня крайне паршивая репутация. Если верить воплям зевак - я местная повитуха, практикующая криминальные аборт. Великолепный карьерный рост для бывшей заведующей отделением престижной клиники.

- Дорогу! Расступись, именем закона! - рыкнул Архип.

Процессия внезапно остановилась. Городовой, на медной бляхе которого я успела разглядеть двуглавого орла и номер, раздраженно чертыхнулся. Путь нам преградила куча тряпья, извивающаяся прямо в грязной луже у обочины.

- А ну, пшла с дороги, рвань! - он брезгливо пнул носком сапога край лохмотьев.

Куча тряпья издала жуткий, нечеловеческий вой. Толпа зевак шарахнулась назад, образуя пустое кольцо.

Мой профессиональный инстинкт сработал быстрее инстинкта самосохранения. Рентгеновский взгляд врача мгновенно выхватил детали, сложив их в клиническую картину. На брусчатке корчилась женщина. Землисто-серое лицо, заострившиеся черты, глубоко запавшие глаза. Живот ходил ходуном под мокрой тканью. Но хуже всего была темная, густая лужа, стремительно расплзающаяся из-под ее бедер, смешиваясь с уличной грязью.

Роды. Потужной период. И тяжелейшая патология.

- Чего встали? Уберите ее, не видите, мне арестованную сдать надо! - рявкнул городовой, пытаясь обойти женщину, попутно дернув меня за руку.

Заминка длилась ровно секунду. Я использовала базовые законы физики: резко, всем своим весом осела вниз. Пальцы конвоира, не ожидавшего такой подлости от избитой бабы, разжались. В его кулаке остался клочок моих темных волос, но свобода того стоила.

Я рухнула на колени прямо в ледяную жижу, игнорируя вспышку боли в содранной коже, и склонилась над роженицей.

- Эй! А ну стой! - взревел страж порядка, хватаясь за дубинку на поясе.
- Заткнись и держи ее за плечи! - рывкнула я.

Это был мой фирменный баритон. Тот самый голос, которым я двадцать лет вгоняла в священный ужас нерадивых интернов и самоуверенных хирургов. В нем не было ни истерики, ни мольбы - только чистая, концентрированная власть человека, который знает, как отвоевать жизнь у смерти.

Городовой опешил. Его мозг, привыкший к четкой иерархии, дал сбой. Эта интонация никак не монтировалась с образом уличной шарлатанки. Он машинально опустил дубинку и, шагнув вперед, тяжело придавил бьющиеся плечи нищенки к земле. Мужик оказался крепким, хватка - железной. То, что нужно.

Я задрала грязный подол женщины. Так и есть. Симптом "черепахи". Головка ребенка показывается наружу во время потуги, а затем втягивается обратно, словно на тугой резинке. Дистоция плечиков. Плод крупный, застрял в родовых путях. Пуповина пережата. Счет идет даже не на минуты - на секунды. Если я не вытащу его сейчас, ребенок задохнется, а мать истечет кровью из-за разрывов.

- Мужик! - я вскинула голову, выхватив взглядом в притихшей толпе здоровяка в засаленном кожаном фартуке. Мясник. - Дай нож! Живо! И водку, если есть!

Толпа ахнула.

- Не дам, ты ее прирежешь, ведьма! - попятился мясник.

- Она и так сдохнет через минуту, и ты будешь на это смотреть! - отрезала я, протягивая окровавленную ладонь. - Нож!

То ли мой тон, то ли безумный взгляд сработали. В мою руку лег тяжелый, хорошо заточенный тесак для разделки туш, а кто-то из толпы сунул мне откупоренную стеклянную бутылку с мутной жидкостью. Я щедро плеснула вонючую сивуху себе на руки, смывая уличную грязь, и обильно полила лезвие. Примитивная антисептика, от которой любой современный врач упал бы в обморок, но выбора не было.

- Слушай меня внимательно, - я посмотрела в глаза Архипу. Лицо мужика посерело, он явно не подписывался на роль акушера, но держал роженицу крепко. - Сейчас ты давишь ей на бедра, сгибаешь ее ноги так, чтобы колени прижались к ее же ушам. Понял? Максимально плотно! Давай!

Прием МакРобертса. Угол наклона таза изменился. Я уперлась руками в живот женщины, нащупывая переднее плечико младенца. Не идет. Застряло намертво за лонным сочленением. Ткани матери не пускают. Времени на сантименты не осталось.

Я не стала тратить драгоценные секунды на уговоры зевак. Задрала свои собственные промокшие юбки, нащупала край относительно чистой нижней сорочки, надкусила шов зубами и с треском оторвала широкую полосу льняной ткани.

- Держи ее крепче, сейчас она будет орать, - бросила я городовому.

Я приставила лезвие мясницкого ножа к напряженной до предела промежности женщины и одним точным, выверенным движением сделала разрез. Эпизиотомия без наркоза. Нищенка зашлась в истошном, хриплом крике, выгибаясь дугой, но тяжелый страж порядка удержал ее на земле.

Кровь хлынула на мои руки, заливая рукава, но путь был свободен. Я ввела пальцы внутрь, нащупала заднее плечико ребенка и с силой провернула плод на сто восемьдесят градусов по принципу винта. Прием Вудса. Хрустнуло. Ключица сломана, но это меньшее из зол - кости у младенцев срываются быстро. Главное - он поддался.

Рывок. В мои руки выскользнуло обмякшее, синюшное тельце. Мальчик. Не дышит. Пуповина туго обмотана вокруг шеи дважды.

Толпа за спиной синхронно выдохнула. Кто-то начал истово креститься.

Я мгновенно скинула петли пуповины. Взяла ребенка за скользкие лодыжки. В рот ему набилась слизь и околоплодные воды. Никаких груш и аспираторов у меня не было. Я сделала то, что делали земские врачи сотню лет назад: прильнула губами к крошечному, синему лицу и резко высосала слизь из его дыхательных путей, сплюнув ее на брусчатку. Затем схватила кусок льна, оторванный от сорочки, и начала жестко, до красноты растирать спину и грудь младенца, стимулируя нервные окончания.

- Давай же, давай, живи, черт тебя дери! - цедила я сквозь зубы.

Секунда. Вторая. Третья. Крошечная грудная клетка дрогнула. Лицо ребенка исказилось, и улицу огласил первый, надрывный, хриплый крик. Синева на коже начала неохотно сменяться розовым оттенком. Жив.

Я перерезала пуповину мясницким ножом, оторвала еще одну узкую полоску льна все от той же многострадальной сорочки, туго перевязала остаток и сунула орущий сверток прямо в руки онемевшему городовому.

- Держи, папаша. Голову фиксируй, не дрова несешь!

Но расслабляться было рано. Женщина лежала с закрытыми глазами, ее пульс был нитевидным. Кровотечение из матки не останавливалось, заливая лужу алым цветом. Атония. Матка не сокращается.

Я сжала правую руку в кулак, левую положила сверху и со всей силы надавила роженице на низ живота, проводя агрессивный наружный массаж. Я буквально вдавливала ее органы внутрь таза, механически перекрывая кровоток, заставляя мышцы матки сжаться. Из родовых путей выплеснулся последний огромный сгусток, и поток крови начал иссякать.

Только сейчас я поняла, что задыхаюсь. Адреналин, державший меня последние десять минут, резко пошел на спад. Тело Зои, непривычное к таким нагрузкам, задрожало. Корсет впивался в ребра стальными пластинами, напоминая о каждом вдохе тупой болью. Мои руки по локоть были покрыты чужой кровью, перемешанной с грязью.

Я тяжело осела на брусчатку рядом с пациенткой. Вокруг царила суеверная, звенящая тишина. Никто больше не кричал про каторгу и шарлатанку. Люди смотрели на меня со смесью животного страха и благоговения.

Городовой Архип, все еще прижимая к широкой груди орущего младенца, смотрел на меня совершенно ошалелыми глазами. В нем боролись человек, только что увидевший чудо, и служака, обязанный выполнить приказ.

Я провела грязным запястьем по лбу, убирая прилипшую прядь волос.

- Что стоишь? - устало спросила я городского. - Отправь кого-нибудь за извозчиком. Женщине нужен покой, тепло и сладкий чай. Иначе к утру загнетса от родильной горячки.

Архип сглотнул. Он бережно, словно хрустальную вазу, передал младенца подошедшей старухе. Выпрямился. Поправил съехавшую на затылок фуражку. Чуда не произошло: он не бросился целовать мне руки и не отпустил на все четыре стороны. Он был при исполнении в мире, где законы писались кровью.

- Ведьма ты или кто, Зойка, а участок ждет, - голос Архипа звучал хрипло, но твердо. Он грубо, хотя и без прежней животной жестокости, ухватил меня за предплечье, рывком ставя на ноги. - Ордер есть ордер. Пошла.

Я не сопротивлялась. Ноги дрожали, холод от мокрого сукна медленно пробирался к костям. Поднимаясь, я бросила взгляд поверх голов расступившейся толпы.

На противоположной стороне улицы, в глубокой тени обшарпанного здания, стоял лакированный экипаж. Темный, массивный, запряженный парой вороных лошадей - он выглядел чужеродным в этом нищем районе. Стекло на дверце было наполовину опущено. Из темноты салона за мной, не отрываясь, наблюдали глаза. Холодные, пронзительные, пугающе умные. В них не было ни шока, ни отвращения - только расчетливый, хирургический интерес хищника, обнаружившего нетипичную добычу.

Человек внутри не шелохнулся. Он не стал выходить или подзывать меня. Он лишь сделал неувимый, короткий жест рукой, затянутой в черную кожаную перчатку. Двое крепких мужчин в неприметных серых пальто, до этого сливавшихся с толпой, бесшумно отделились от стены и двинулись следом за нами.

Я криво усмехнулась, чувствуя вкус собственной крови на разбитой губе. Моя прошлая жизнь осталась в искореженном металле на обледенелой трассе. А здесь и сейчас мне предстояло просто выжить. Желательно - не на каторге.

- Шевели ногами, - буркнул городской, подталкивая меня в спину.

Мы зашагали прочь от места моего импровизированного триумфа, прямо навстречу людям в серых пальто.

Глава 2

Хуже всего - переохлаждение. Температура тела стремительно падает, когда на тебе несколько килограммов мокрой, измазанной в уличной грязи шерсти.

Городовой Архип все-таки доволоч меня до полицейского участка и швырнул в «холодную» до выяснения обстоятельств. Каменная скамья в камере тут же начала вытягивать из меня последние остатки тепла. Адреналин, бурливший в крови во время уличных родов, окончательно сошел на нет. Теперь тело по-настоящему осознавало нанесенный ему ущерб. Содранная о брусчатку кожа на коленях пульсировала тупой, тягучей болью. Нижняя губа распухла, во рту стоял стойкий привкус железа. Моя собственная нижняя сорочка, от которой я час назад зубами оторвала лоскут для перевязки пуповины, жалко липла к бедрам и больше не спасала от сквозняков. А жесткий, архаичный корсет со стальными пластинами не давал сделать полноценный, глубокий вдох, чтобы хоть как-то разогнать кровь.

Я прикрыла глаза, пытаюсь унять дрожь, и в этот момент меня накрыло.

Внедрение чужой памяти происходило без всякой мистики, просто как внезапно открывшийся, пыльный архив в моей собственной голове. Обрывки жизни прежней владелицы тела всплывали перед внутренним взором с пугающей четкостью. Я ставила диагноз своему новому «я» - и картина вырисовывалась паршивая.

Зоя Покудова отнюдь не была невинной овечкой, несправедливо затравленной злой толпой. Мой профессиональный, врачебный мозг с холодным отвращением фиксировал воспоминания о том, как эти самые руки, сейчас покрытые засохшей чужой кровью, еще недавно варили ядовитые отвары из спорыньи. Зоя прекрасно знала тонкую грань дозировки между избавлением от нежелательной беременности и мучительной смертью пациентки от кровотечения. Всплывали образы пересчета тусклых монет, спрятанных под половицей кривобокой печи. Всплывали обрывки зашифрованных писем, с помощью которых она шантажировала кого-то из столичной знати, вытягивая деньги за молчание.

Но самым мерзким оказалось физиологическое наследие. Где-то на периферии сознания, под кожей, зудело сосущее, липкое желание. Фантомная жажда опиумной настойки. Прошлая Зоя сидела на наркотиках, глуша страх и грязь своей никчемной жизни.

Я резко открыла глаза и до хруста стиснула челюсти, подавляя эту слабость. Моральный суд отменяется. Мне сорок пять лет, я хирург, а не институтка. Я привыкла вытаскивать людей из безнадежных состояний, и сейчас моим главным, самым сложным пациентом была я сама. С такой репутацией Зоя - ходячий труп для местного закона. Значит, мне предстоит расхлебывать этот криминальный анамнез. Нужно выстраивать линию защиты, основываясь на том единственном, что у меня нельзя отнять - на моем интеллекте.

Засов двери лязгнул с сухим, деловым звуком.

Я ожидала увидеть Архипа или городского с дубинкой, но в камеру шагнули те самые двое мужчин в неприметных серых пальто. Те, что отделились от черного экипажа на улице. Видимо, ведомство их хозяина имело достаточно власти, чтобы тихо и легально изъять нужного человека у обычной полиции. Они работали абсолютно молча и пугающе профессионально. Никаких злодейских ухмылок, никаких лишних движений или театрального швыряния об стену.

Один из них грубо, но без садизма завел мои руки за спину и туго стянул запястья прямо поверх засохшей крови широким кожаным ремнем. Второй накинул мне на голову плотный мешок из дерюги, пахнувший затхлостью и пылью, отрезая от мира.

Я не стала брыкаться, визжать или изображать из себя уличного бойца. Устраивать истерику избитому телу в присутствии двух тренированных мужчин - не просто глупость, а верный

путь к перелому шеи. Вместо этого включился холодный, аналитический режим. Если тебя лишают зрения, используй остальные органы чувств.

Я начала считать шаги.

Один, два, десять... Пол ровный, дощатый. Запах хлорной извести и застарелой мочи, типичный для казенного дома, резко сменился холодной сыростью. Семнадцать, двадцать два... Мостовая под ногами. Уличный шум - цокот копыт, скрип рессор, отдаленный гудок клаксона какого-то раннего автомобиля. Меня усадили на жесткое сиденье экипажа. Поездка длилась минут десять. Я фиксировала повороты, тряску на булыжниках и смену запахов. Городская гарь постепенно уступала место запаху речной тины, гниющего дерева и угольного дыма.

Экипаж остановился. Меня снова подняли на ноги и повели вперед. Доски под ногами подозрительно пружинили. Трап.

Палуба под моими промокшими ботинками мелко, ритмично завибрировала. Зашипел пар, раздался низкий, басовитый гудок, и я почувствовала, как качка усиливается. Паровой катер. Ледяной речной ветер ударил сквозь ткань мешка, пронизывая насквозь. Я непроизвольно сжалась, чувствуя, как зубы начинают выбивать мелкую дробь.

Логика складывала фрагменты в единую картину. Меня везут по воде. Куда-то на остров. Идеальная, глухая изоляция. Сбежать оттуда в мокрых шерстяных юбках, без знания местности - стопроцентная смертность. Но в этом крылась и надежда. Если бы они хотели просто избавиться от надоедливой уличной шантажистки Зои, меня бы тихо прирезали еще в камере или скинули в эту самую реку по дороге. Но меня везли куда-то с конкретной целью. Значит, мои манипуляции на брусчатке, переворот плода и остановка кровотечения впечатлили того человека в экипаже. Мои навыки понадобились кому-то очень могущественному.

Катер ткнулся бортом в причал. Снова шаги, скрип массивных дверей, гулкое эхо большого помещения.

Тепло обрушилось на меня внезапно. Воздух здесь пах дорогим, крепким табаком, нагретой кожей, старыми книгами и едва уловимым, специфическим запахом качественного оружейного масла.

Мешок рывком сдернули с головы, ремень на запястьях ослабили.

Я зажмурилась, ослепленная светом. Когда глаза привыкли, я поняла, что источник света - не газовые рожки. Под потолком и на стенах горели электрические лампы. Их нити накаливания едва заметно мигали, выдавая раннюю эпоху местной электрификации, но сам факт наличия такого освещения кричал о колоссальном богатстве владельца дома.

- Можете быть свободны, - раздался тихий, лишенный интонаций голос.

Конвоиры бесшумно растворились за тяжелыми дубовыми дверями. Я осталась стоять посреди огромного кабинета с панелями из темного дерева.

За массивным столом сидел мужчина. Он не вскакивал, не мерил шагами кабинет и не сверлил меня демоническим взглядом из-под насупленных бровей. Он был занят делом.

Князь Мстислав Патронов - а это был именно он, память Зои услужливо подкинула имя министра Особой Канцелярии - с ювелирной точностью собирал тонкой отверткой сложный часовой механизм. Те самые черные кожаные перчатки, в которых он был на улице, теперь небрежно лежали на краю стола. В его длинных пальцах, выступающих из безупречно чистых манжет белоснежной рубашки, крошечные шестеренки вставляли на свои места с покорностью солдат. Темные волосы чуть тронуты сединой на висках, профиль хищника, ледяное спокойствие в каждом микродвижении. Он чинил часы, даже не глядя в мою сторону.

Визуальный контраст между нами был колоссальным. Безупречный, лощеный министр тайной полиции - и я. Избитая, дрожащая от холода женщина, в чьих спутанных волосах застряли куски уличной грязи. Мой суконый лиф и руки по самый локоть были покрыты бурой, растрескавшейся коркой чужой крови. Вода с разодранного подола капала прямо на его дорогой паркет.

Он закончил закручивать винт, отложил пинцет и только тогда поднял на меня глаза. Черные, пронзительные, пугающе умные. В них не было ни брезгливости, ни интереса к моей потрепанной внешности. Он смотрел на меня так же, как только что смотрел на сломанную шестеренку часов.

- Зоя Покудова, - его голос прозвучал ровно, без попыток напугать, и от этой спокойной обыденности мороз пробежал по коже сильнее, чем от речного ветра. - Вдова. Тридцать лет. Проживаешь в трущобах Заречья. Официально - повитуха. Неофициально - торговка запрещенными фармакопейными препаратами, шантажистка и преступница, на счету которой минимум три доказанные смерти от подпольного вмешательства.

Он открыл папку, лежащую на краю стола, и пододвинул ее ближе к свету лампы.

- Канцелярии известны все твои тайники, Зоя. Все твои адресаты. Ордер на твою казнь через повешение лежит вот здесь, под моей рукой. Завтра на рассвете тебя вздернут во дворе тюрьмы, и ни одна собака в Златограде не станет по тебе скулить.

Он сделал короткую паузу, давая словам осесть в тишине кабинета. Я молчала. Мои разбитые губы были плотно сжаты. Я не собиралась оправдываться за то, чего не совершала в своей прошлой жизни, и не собиралась каяться за чужую.

- Однако, - князь откинулся на спинку кожаного кресла, сложив руки домиком на груди. - То, что ты сделала сегодня на улице с той нищенкой... Это не уровень бабки-шарлатанки. У тебя есть выбор.

Мстислав подался вперед, и свет лампы резче очертил жесткие линии его скул.

- Либо петля на рассвете. Либо ты остаешься в этой крепости. В левом крыле особняка находится моя сестра. Ей восемнадцать лет, и она на седьмом месяце беременности. Ты будешь тайно следить за ее состоянием, а когда придет время - благополучно примешь роды.

Его голос стал еще тише, почти превратившись в шепот, но этот шепот заполнил собой все пространство кабинета.

- Если ты справишься, получишь новые документы и достаточно золота, чтобы исчезнуть из столицы. Но если ты сделаешь хоть один шаг влево... Если об этом узнает хоть одна живая душа в Империи... Если ты попытаешься применить свои привычные грязные трюки здесь, в моем доме - смерть на виселице покажется тебе величайшим благом, о котором ты будешь умолять моих людей. Ты поняла меня?

Мстислав замолчал. Он ждал. Ждал того, к чему привык за годы службы: что грязная, опустившаяся повитуха с криминальным прошлым сейчас рухнет на колени, зальется слезами благодарности и начнет целовать край его стола, умоляя о пощаде и обещая служить верой и правдой.

Но он не знал, кто сейчас смотрит на него из-под слипшихся темных ресниц Зои.

Игнорируя саднящую боль в коленях и резь в сдавленных сталью ребрах, я глубоко вдохнула. Дрожь в теле, вызванная мокрой одеждой, никуда не делась, но внутри меня собирался тяжелый, абсолютный покой хирурга перед сложной операцией.

Я медленно, с достоинством выпрямила спину. Подняла подбородок. Взгляд сорокапятилетней заведующей отделением, привыкшей строить высокомерных чиновников от медицины, тяжело встретился со взглядом министра-палача. Я не собиралась быть покорной шестеренкой в его механизме. Если от меня зависит жизнь пациентки, правила игры буду устанавливать я.

Глава 3

Ультиматумы хорошо ставить тогда, когда с твоего разорванного подола не натекает лужа ледяной, перемешанной с уличной грязью и чужой кровью воды на безупречный паркет красного дерева. Выглядеть угрожающе в мокрой насквозь суконной юбке - задача со звездочкой, но за двадцать пять лет в экстренной медицине я усвоила одно: твой авторитет держится не на униформе, а на том, как ты смотришь людям в глаза.

Князь Патронов не стал тратить время на пустые угрозы, картинные позы или долгие раздумья. Его холодный, математический ум, судя по всему, уже принял решение. Он просто поднялся из-за своего массивного стола, оставив черные перчатки лежать рядом с разобранным часовым механизмом, взял связку тяжелых ключей и молча направился к дверям. Брошенный на меня короткий, не терпящий возражений взгляд означал лишь одно: я должна следовать за ним.

Я пошла. Мой внутренний диагност, привыкший работать даже в условиях тотального стресса, машинально фиксировал окружающую обстановку. Особняк Патроновых оказался настоящей крепостью, искусно замаскированной под роскошное столичное жилище. Мы шли по длинным, извилистым коридорам левого крыла, и с каждым шагом я понимала, насколько этот сектор изолирован от внешнего мира. Никакой снующей прислуги, никаких лишних дверей. Только глухая, звенящая тишина.

Под потолком в стеклянных колбах тускло светились нити накаливания - местная электрификация явно находилась на стадии ранних, капризных экспериментов, и свет непрерывно, раздражающе подрагивал, отбрасывая на стены дерганные тени. Стены были защищены темными дубовыми панелями, пол устилали плотные ковры, скрадывающие звуки шагов. Но больше всего меня напрягал запах. Здесь пахло старым воском, дорогой мастикой для паркета, едва уловимым мужским одеколоном на основе табака - и застоявшейся, тяжелой пылью. Окна в этой части дома, судя по всему, не открывали месяцами, боясь сквозняков. Вентиляция отсутствовала как класс. Идеальный, теплый инкубатор для развития госпитальной инфекции.

Физиология тела Зои тем временем откровенно сдавала позиции. Адреналин, бурливший в крови во время уличных родов и последующего ареста, окончательно выветрился, оставив после себя тягучую, пульсирующую боль. Кожа на запястьях, нещадно стертая грубым кожаным ремнем конвоиров, саднила при каждом движении рук. Мокрая шерсть юбки, казалось, весила теперь не меньше пуда, цепляясь за икры и вытягивая из мышц последнее тепло. Разодранные о брусчатку колени горели огнем. А этот проклятый, архаичный корсет со стальными пластинами, который носила прежняя владелица тела, работал сейчас как орудие инквизиции - он банально не давал мне сделать полноценный, глубокий вдох, чтобы хоть как-то разогнать застывающую кровь.

Я чувствовала, что меня начинает бить крупная, неконтролируемая дрожь. Температура тела стремительно падала. Это было чистое переохлаждение, чреватое пневмонией. Но я стискивала зубы так, что сводило челюсти, и заставляла себя идти ровно, впечатывая промокшие ботинки в ковер. Если ты покажешь слабость перед таким хищником, как Мстислав - он тебя сожрет и не подавится. Спина идущего впереди министра тайной полиции ясно давала понять: снисхождения к скулящим здесь не предусмотрено.

Мы остановились перед массивной двустворчатой дверью в самом тупике коридора. Мстислав провернул ключ в замке. Механизм поддался с тяжелым, маслянистым звуком.

- Заходи, - коротко скомандовал он, толкая створку своей сильной, лишенной перчатки рукой.

Я шагнула через порог и сразу же рефлекторно поморщилась. В комнате царил удушливый полумрак, несмотря на середину дня. Тяжелые, пыльные бархатные портьеры глубокого

зеленого цвета наглухо закрывали высокие стрельчатые окна, не пропуская ни луча естественного света. Воздух здесь был еще более спертым, чем в коридоре - душная, оседающая на языке смесь запаха сухой лаванды, непрветренного помещения и отчетливого, кисловатого аромата застарелого человеческого страха.

В центре комнаты, в глубоком кресле с высокой спинкой, сидела девушка. Аврора Патронова. Княжне было восемнадцать, но сейчас она выглядела как сломанная, забытая кем-то на чердаке фарфоровая кукла.

Она не вскочила при нашем появлении. Не забила в угол, не стала театрально заламывать руки и рыдать, как это обычно описывают в дешевых романтических книжках. Она даже не повернула головы в нашу сторону. Аврора просто смотрела перед собой абсолютно пустым, остекленевшим взглядом.

Клиническая апатия. Глубочайшая депрессия. Защитная реакция психики, которая не справилась с чудовищной травмой и просто отключила все эмоции, чтобы организм мог банально выжить. Я видела такое у женщин, переживших страшное насилие.

- Аврора, - голос Мстислава неуловимо изменился.

Из него мгновенно ушел тот ледяной, распиливающий металл, которым он чеканил слова в своем кабинете. Появилась почти скрытая, хрипкая осторожность человека, ступающего по тонкому льду. Он любил сестру. Это было очевидно.

- Я привел человека. Она осмолит тебя.

Девушка не моргнула. Лишь ее тонкие пальцы, мертвой хваткой вцепившиеся в деревянные подлокотники кресла, побелели в костяшках еще сильнее.

Мой мозг окончательно переключился в режим диагноста. Я забыла про свой порванный подол, про угрозу виселицы на рассвете и про холод, сковывающий суставы. Передо мной находился пациент. Очень сложный пациент.

Я шагнула к креслу, намеренно ступая чуть громче обычного, чтобы не напугать ее внезапным, бесшумным приближением.

- Не смей трогать ее своими грязными руками, - резко, угрожающе предупредил Мстислав, делая быстрый шаг наперерез. В его голосе снова зазвенела сталь.

- Замолчите и не мешайте, - бросила я, даже не обернувшись.

Это вырвалось автоматически. Мой фирменный баритон заведующей отделением, которым я двадцать лет пресекала истерики нервных родственников в коридорах реанимации. Я краем глаза заметила, как князь замер от такой беспрецедентной наглости, но мне было плевать. У меня была работа.

Я остановилась в полуметре от Авроры. Визуальный осмотр давал крайне паршивую картину. Землисто-серый цвет лица, ярко выраженная синюшность носогубного треугольника - верный признак кислородного голодания. Губы сухие, покрытые мелкими трещинами, что кричало о сильном обезвоживании. Девушка сидела, неестественно сторбившись, инстинктивно пытаясь спрятать свой выпирающий из-под свободного домашнего платья живот.

Я задрала грязные, перепачканные уличной слякотью манжеты своего суконного лифа до самых локтей. Затем нащупала край нижней льняной сорочки - той самой, от которой пару часов назад зубами оторвала кусок для перевязки пуповины нищенки. Внутренняя сторона сорочки, плотно прилежавшая к телу, оставалась относительно чистой. Я вывернула этот лоскут ткани наизнанку, оборачивая им свои ладони, создавая импровизированный барьер между кожей пациентки и уличной инфекцией.

- Здравствуйте, Аврора, - спокойно, ровным тоном, без заискивания и омерзительного сюсюканья сказала я. - Меня зовут Зоя. Сейчас я просто положу руки вам на живот. Это не причинит боли. Дышите ровно.

Она не ответила, но и не отшатнулась, когда я приблизилась.

Я мягко, но уверенно приложила защищенные льном ладони к ее животу сквозь тонкую ткань платья. Пальцы привычно прощупали контуры. Высота стояния дна матки указывала примерно на двадцать восьмую-тридцатую неделю. Седьмой месяц. Плод располагался продольно, что уже было плюсом.

Но хуже всего была плотность тканей. Живот не был упругим и податливым, как положено при нормальном, здоровом течении беременности. Он был твердым, как бильярдный шар. Матка находилась в жесточайшем гипертонусе. Мышцы безостановочно спазмировались, сжимая нерожденного ребенка в каменных тисках.

Я аккуратно убрала руки и медленно выпрямилась, чувствуя, как протестующе хрустят замерзшие позвонки в пояснице. Овернула к Мстиславу.

Князь стоял у двери, скрестив руки на груди. В неверном свете подрагивающих электрических ламп его профиль казался высеченным из темного мрамора. Он ждал моего вердикта, и в его черных глазах читалась абсолютная, спокойная готовность свернуть мне шею на месте, если я произнесу хоть одно слово не по делу.

Встреча двух прагматиков. Никаких слез, никаких мольб о пощаде.

- Она не доживет до родов, ваша светлость, - сухо, как на утреннем консилиуме, сообщила я.

Мстислав не дернулся. Не охнул. Но я увидела, как побелела и напряглась линия его квадратной челюсти.

- Объяснись.

- Ваша сестра задохнется в этом бархатном склепе задолго до того, как начнутся первые схватки, - я брезгливо обвела взглядом зашторенные окна. - У девочки сильнейший тонус матки. Это спазм гладкой мускулатуры. Из-за ее постоянно сгорбленной позы диафрагма сдавлена, легкие не раскрываются полностью. Ребенку банально не хватает кислорода. Добавьте сюда сильное обезвоживание. Если так пойдет дальше - через пару недель вы получите преждевременную отслойку плаценты и мертвого младенца. А следом - мертвую сестру от обширного внутреннего кровотечения.

Я излагала жестокие, голые факты, намеренно используя современную мне медицинскую терминологию. Я видела, как мозг Мстислава с пугающей скоростью обрабатывает информацию. Он пытался состыковать образ грязной уличной повитухи, торгующей сомнительными отварами, с женщиной, которая сейчас абсолютно хладнокровно, без капли суеверного бреда про сглаз и порчу, раскладывала перед ним физиологию процесса. Мои слова звучали слишком логично, чтобы быть шарлатанством.

- Что нужно делать? - его голос стал еще тише, но в этой обманчивой тишине звенела концентрированная власть.

- Мне нужны условия, князь, - я вздернула подбородок, игнорируя саднящую боль в шее, и посмотрела ему прямо в глаза. - Вы вытащили меня с улицы, повесили над моей головой ордер на казнь и ждете чуда. Я сделаю это чудо. Но я не работаю со связанными руками.

Он чуть заметно наклонил голову, словно прислушиваясь к интонациям моего голоса.

- Слушаю.

- Первое, - я загнула заledenевший палец. - Неограниченный счет в городских аптеках Златограда на мое имя. Я не собираюсь лечить княжну заговорами на полную луну и сушеными лягушками. Мне понадобятся нормальные препараты, магнезия, чистый спирт и химические реактивы.

- Допустим, - кивнул он.

- Второе. Абсолютная, безоговорочная власть над всей прислугой в этом крыле дома.

- Власть? - Мстислав скептически приподнял бровь, словно я потребовала ключи от императорского казначейства.

- Именно, - отрезала я. - Если я говорю принести десять ведер кипятка и вымыть полы - ваши люди несут кипяток бегом, а не идут спрашивать разрешения у вашей экономки или у вас лично. В акушерстве счет иногда идет на секунды, и я не потерплю саботажа от челяди, которая будет брезговать подчиняться уличной девке. Третье - гарантии моей личной безопасности. Меня не должны искать жандармы, меня не должны вытащить отсюда за шкуру и бросить в тюрьму до тех пор, пока ваша сестра благополучно не разрешится от бремени.

Тишина в комнате стала почти осязаемой. Аврора продолжала смотреть в стену, словно наш тяжелый разговор происходил в другой вселенной.

Князь Патронов медленно расцепил руки. Он отлепился от двери и шагнул ко мне. Ближе, чем требовали строгие рамки приличия того времени. Запах его табака смешался с запахом моей крови и мокрой, грязной шерсти. Он смотрел на меня сверху вниз, пытаясь найти в моих глазах хоть каплю блефа или паники. Но там была только глухая, железобетонная уверенность хирурга, знающего себе цену.

- Сделка принята, Зоя, - ровно, без эмоций произнес Мстислав. - У тебя будет все, что ты просишь. Бюджет, прислуга, защита. Но запомни раз и навсегда. Если ты ошибешься, если с ее головы упадет хоть один волос по твоей вине, или если ты попытаешься сыграть в свои старые игры с шантажом...

- Вы спустите с меня шкуру, я помню концепцию, - перебила я его, не в силах больше терпеть эту пафосную прелюдию.

Дрожь в моем теле становилась невыносимой. Зубы все-таки лязгнули друг о друга. Мстислав осекся. В его черных глазах мелькнуло что-то похожее на раздраженное изумление. Ему явно не привыкать было к людям, которые падали в обморок от одного звучания его голоса, а не перебивали на полуслове.

- В таком случае, ваша светлость, давайте начнем с моих базовых потребностей, - я опустила взгляд на пол.

Вокруг моих растоптанных, изодранных ботинок на дорогом паркете уже образовалась приличная лужа грязной воды, обильно натекающей с подола юбки.

- Сделка сорвется, если к утру я слягу с тяжелой пневмонией, - прагматично констатировала я, обхватив себя руками за плечи. - Я живой человек, а не железный механизм из ваших часов. Мне нужна горячая вода. Много воды. Самое жесткое щелочное мыло, которое найдется на ваших кухнях. Чистая одежда без этого чертова стального корсета, который ломает мне ребра. И горячий, крепкий мясной бульон. Сейчас же.

Мстислав посмотрел на лужу, затем перевел взгляд на мое посиневшее от холода лицо и побелевшие губы. Уголок его рта едва заметно дрогнул в короткой усмешке. Он впервые оценил мою наглость не как дерзость уличной базарной бабы, а как расчетливую логику выживания.

- Идем, - коротко скомандовал он.

Мы вышли из комнаты Авроры. Мстислав провел меня на десять шагов дальше по темному коридору и толкнул соседнюю дверь. Это была небольшая, но светлая спальня, смежная с покоями княжны. Очевидно, комната для компаньонки или сиделки.

- Располагайся здесь. Все, что ты просила, принесут через четверть часа.

Я молча кивнула, проходя внутрь. Сил на светские расшаркивания не осталось. Все, чего я сейчас хотела - это содрать с себя мокрый, ледяной панцирь суконного платья и смыть с кожи чужую кровь.

Мстислав не стал задерживаться. Он вышел в коридор и потянул за собой тяжелую створку двери.

Я стояла посреди комнаты, чувствуя, как ноют стертые запястья, когда раздался сухой, деловой звук. Щелчок проворачивающегося в скважине ключа.

Мстислав Патронов обеспечит меня горячей водой, мылом и едой. Он дал мне власть в этом крыле и бюджет. Но он ясно дал понять - я все еще его пленница. Золотая клетка захлопнулась, и игра началась всерьез.

Я криво улыбнулась своему растрепанному отражению в мутном оконном стекле.

Ну что ж, князь. Посмотрим, чья медицина окажется сильнее.

С трудом развязав непослушными, ледяными пальцами первый узел на мокром лифе, я стала ждать воду. Я намеревалась выжить. А завтра утром этот сонный, пыльный дом проснется по моим правилам. И им это очень не понравится.

Глава 4

Тот, кто додумался вшивать стальные пластины в женское нижнее белье, определенно заслуживает отдельного котла в аду. Причем с кипящей щелочью. Эта абсолютно будничная, циничная мысль монотонно пульсировала в моей голове, пока я ждала обещанного.

Щелчок тяжелого замка раздался ровно через пятнадцать минут. В комнату молча, не поднимая глаз, вошли двое крепких слуг в одинаковых ливреях. Один внес тяжелую медную лохань и два объемных ведра, от которых шел густой пар. Второй поставил на небольшой столик стопку сложенной одежды, кусок темного мыла и поднос с накрытой крышкой глубокой тарелкой. Как только за ними закрылась дверь, я заставила свое заледеневшее, непослушное тело двигаться.

Никакого чудесного исцеления по мановению волшебной палочки не произошло. Стянуть с себя мокрую, пропитанную уличной грязью и чужой кровью суконную юбку оказалось задачей на выносливость. Ткань стояла колом, весила целую тонну и цеплялась за икры, вытягивая последние крупницы тепла. Когда я, наконец, расправилась с архаичной шнуровкой жесткого корсета, из груди вырвался хриплый, болезненный стон. Ребра ныли так, словно по ним прошли кувалдой. Изорванная нижняя сорочка, от которой я вчера отгрызла кусок ткани, полетела на пол следом.

Я опустила на колени перед лоханью. Горячая вода обожгла растертые грубым ремнем конвоиров запястья, заставив меня до скрипа стиснуть зубы. Разбитая на улице нижняя губа пульсировала в такт учащенному сердцебиению. Я взяла кусок жесткого, пахнущего едкой золой щелочного мыла и принялась методично, почти остервенело оттирать руки. Кожа под бурой коркой засохшей крови нищенки была бледной, чужой, но сейчас она подчинялась моим приказам. Я терла пальцы, ладони и предплечья до красноты, вымывая из-под ногтей малейшие следы уличной инфекции. Вода в лохани стремительно приобретала грязно-розовый оттенок.

Смыв с себя основную грязь и кое-как обтеревшись жестким льняным полотенцем, я подошла к стопке одежды. Никаких шелков, кружев или роскошных бархатных платьев, в которые так любят наряжать барышень в дамских романах. Мстислав Патронов был опасным человеком, но он был прагматиком. Мне принесли униформу сиделки - закрытое, глухое платье из плотного серого хлопка и чистую нижнюю сорочку. Самым главным плюсом этого спартанского наряда было полное отсутствие корсета. Я натянула чистое белье и серое платье, застегнула мелкие пуговицы под самое горло и впервые за этот бесконечный день сделала нормальный, глубокий вдох полной грудью.

На подносе обнаружился обжигающе горячий, наваристый говяжий бульон с толстым куском ржаного хлеба. Я ела механически, не чувствуя вкуса, просто используя еду как жизненно необходимое топливо. Желудок, сведенный спазмом, сначала воспротивился, но теплая жидкость сделала свое дело. Мне нужно было запустить правильный теплообмен и остановить крупную дрожь от переохлаждения, которая все еще бродила где-то в мышцах спины.

Только после этого я позволила себе подойти к мутному зеркалу над медным умывальником. На меня смотрела Зоя Покудова. Тридцать лет, темные волосы, в которых до сих пор путались колтуны, заострившиеся скулы, нездоровая бледность и наливающийся синевой кровоподтек на подбородке. Но глаза были моими. Тяжелый, оценивающий взгляд сорокапятилетней заведующей отделением экстренной хирургии. Пациент номер один - то есть я сама - стабилизирован. Угроза скоротечной пневмонии миновала.

За узким окном стремительно сгущались ранние сумерки. День, вместивший в себя автомобильную аварию в моей прошлой жизни, уличные роды, арест и сделку с министром тайной полиции, подошел к концу. Адреналин окончательно покинул кровь, оставив после себя

оглушающую слабость. Я едва успела добраться до узкой кровати, как провалилась в глухую, лишенную сновидений черноту.

Утро следующего дня встретило меня суровой физиологической расплатой. На вторые сутки после побоев мышцы всегда болят сильнее. Я поднялась, поморщившись от рези в ободранных о брусчатку коленях - за ночь они покрылись плотными стягивающими корками и теперь протестовали при каждом шаге. Волосы удалось кое-как расчесать найденным на столике деревянным гребнем и туго стянуть на затылке в строгий, практичный узел.

Режим "главврача" активировался без усилий. Я вышла в коридор, намереваясь немедленно начать обход и направиться в покои моей главной пациентки, но путь мне преградила весьма внушительная преграда.

Это была старшая экономка. Дородная, затянута в темное шерстяное платье женщина с тяжелым взглядом и массивной связкой ключей на поясе, которые недовольно позвякивали при каждом ее движении. Она смотрела на меня так, словно я была куском заразной слизи, случайно прилипшим к ее безупречному, натертому мастикой паркету. Вчера она видела, в каком виде меня приволокли к князю конвоиры, и теперь всем своим видом демонстрировала, что уличной девке не место среди приличных людей.

- Аграфена, - я не спрашивала, я констатировала факт, без труда вытащив имя из списка прислуги, который Мстислав вскользь упомянул вчера. - Отлично, вы-то мне и нужны.

Экономка надменно вздернула подбородок, демонстративно скрестив руки на необъятной груди.

- Слушаю внимательно.

- Мне нужно десять ведер крутого кипятка, прямо сейчас. Три куса вашего самого агрессивного щелочного мыла. И бутылъ хлорной извести, она же карболка. Найдете в кладовых или пошлете кучера в ближайшую аптеку за мой счет. Затем отправите в левое крыло трех самых крепких девок. Пусть снимут эти жуткие бархатные портьеры в комнате княжны, выбьют ковры во дворе и вымоют полы с кислотой.

Аграфена не сдвинулась с места. Ее губы презрительно искривились, оголив неровные зубы. Она медленно сунула руку в глубокий карман своего накрахмаленного передника, достала оттуда две серые, влажные половые тряпки и брезгливо швырнула их прямо мне под ноги.

- Господское добро портить не дам, - процедила она сквозь зубы. - Нечего тут свои грязные уличные порядки наводить. Твое дело - сидеть в углу, подавать княжне водицу и помалкивать. А приказывать тем, кто служит благородному роду Патроновых двадцать лет, ты не смеешь, шалава. Подбери тряпки и иди вытирай пыль сама, раз такая чистоplotная.

Я не покраснела от возмущения. Не стала топтать ногой, кричать о своих широких полномочиях или, упаси боже, бежать в кабинет к князю Мстиславу с жалобами на непокорную челядь. Если ты не можешь самостоятельно выстроить иерархию в собственном отделении - никакой главврач тебе не поможет.

Я неспеша перешагнула через брошенные тряпки, приблизилась к Аграфене вплотную, безжалостно нарушая ее личное пространство, и посмотрела ей прямо в глаза. Мой мозг, словно отлично настроенный картотечный шкаф, услужливо выдвинул нужный ящик из архивов памяти старой Зои. Повитуха-шантажистка знала слишком много о темной, неприглядной изнанке этого города.

- Если через десять минут здесь не будет кипятка и карболки, Аграфена, - мой баритон звучал тихо, предельно буднично, без малейшей угрожающей хрипотцы, и от этого становился еще страшнее. - Я лично доложу князю Патронову, какому именно ростовщику в кривом переулке Заречья вы месяц назад заложили два серебряных соусника из малого столового сервиза. Те самые, с фамильными вензелями.

Экономка перестала дышать. Вся ее надменность, вся аристократическая спесь, нажитая годами службы в богатом доме, слетели в одно мгновение, оставив только липкий, животный ужас.

- Уверена, следователи Особой Канцелярии найдут квитанцию в долговой книге ростовщика за пару часов, - продолжила я, не отрывая от нее ледяного взгляда. - А за воровство у министра тайной полиции, насколько я знаю местное судопроизводство, просто так не увольняют. За это отправляют в подвалы на Литейном. Я достаточно понятно излагаю свои требования к уборке?

Аграфена покрылась смертельной, пепельно-серой бледностью. Она судорожно сглотнула, не в силах вымолвить ни слова в свое оправдание, только часто-часто закивала.

- Время пошло, - сухо отрезала я и отвернулась, направляясь к покоям Авроры.

Авторитет был установлен. Никакой магии, никаких внезапных озарений - просто чистый управленческий прагматизм и вовремя использованный чужой компромат.

Санитарная буря разразилась спустя четверть часа. Напуганные шепотками и побледневшей экономкой, служанки носились по левому крылу как ошпаренные. Я стояла посреди спальни Авроры и безжалостно руководила процессом разрушения этого бархатного склепа.

- Снимайте портьеры! Все до единой! - командовала я, когда две молодые горничные, с опаской балансируя на стремянках, отстегивали тяжелый зеленый бархат от карнизов.

Как только многослойная ткань с глухим стуком рухнула на пол, в комнату ворвался бледный, но живой утренний свет. В лучах осеннего солнца стало отчетливо видно, сколько пыли висело в застоявшемся воздухе. Это был не просто мусор, это был идеальный, теплый инкубатор для бактерий, вызывающих смертельную родильную горячку.

Я не стояла в стороне, как барыня. Я лично проверяла температуру воды в ведрах, заставляя девок мыть руки в щелочи по самый локоть, прежде чем они брались за чистое, прокипяченное постельное белье. Я жестко пресекала их суеверные вздохи и косые взгляды. Плитуса, подоконники и деревянные панели стен нещадно оттирались раствором хлорной извести. Затхлый аромат сухой лаванды и тяжелого человеческого страха стремительно отступал, вытесняемый резким, больничным, до рези в глазах чистым запахом карболки.

Аврора все это время сжималась в своем глубоком кресле. Она обхватила руками большой, неестественно твердый живот и ошарашенно наблюдала за тем, как ее унылый кокон уничтожается безжалостной рукой чужой женщины.

Когда полы просохли, а комната стала выглядеть как палата образцового хирургического госпиталя, я жестом выслала измотанную прислугу вон. Закрыла дубовую дверь.

Тишина теперь была другой. Не давящей, а звонкой.

Я пододвинула простой деревянный стул и села прямо напротив княжны. Близко, но не пересекая невидимую границу угрозы. Наши глаза оказались на одном уровне. Я не стала нависать над ней, как это делали столичные светила, и не стала лицемерно сюсюкать, как сиделки.

- Пыли больше нет, Аврора, - произнесла я ровно. - Здесь чисто и безопасно. Инфекция сюда не доберется.

Она не ответила, но ее воспаленные ресницы дрогнули. Девушка сидела сгорбившись, инстинктивно пытаясь спрятать свой живот, словно он был главной причиной всех ее бед.

- А теперь послушайте меня внимательно, - я подалась чуть вперед, опираясь руками о свои колени. - Когда вы так сидите, вы физически сжимаете собственную диафрагму. Ваши легкие не раскрываются даже наполовину. Вы банально не даете кислороду поступать в кровь. Вашему ребенку там, внутри, сейчас совершенно нечем дышать. И поэтому ваши мышцы сводит глухой судорогой. Тяжелая матка давит на вены, нарушая кровоток.

Я говорила с ней как со взрослой. Как с полноправной пациенткой, которая имеет право знать, что именно происходит с ее телом. Я видела, как в пустом, остекленевшем взгляде

Авроры мелькнула первая искра осмысленности. Слово "ребенок" заставило ее тонкие пальцы сильнее впиться в ткань домашнего платья.

- Расправьте плечи, - приказала я мягко, но настойчиво. - Обопритесь на спинку кресла. Вот так. А теперь вдохните. Глубоко. До самого низа живота. Вместе со мной. Вдох.

Я шумно, показательно втянула носом воздух, пахнувший свежим антисептиком.

Аврора на секунду замерла. Затем ее грудная клетка неуверенно, со скрипом приподнялась. Она сделала первый за долгие недели нормальный, не поверхностный вдох.

- Выдох, - скомандовала я. - И еще раз. Вдох.

Под влиянием моего ровного, лишённого паники и липкой жалости голоса, ее напряженные плечи начали медленно опускаться. Сгорбленная спина выпрямилась, упираясь в обивку кресла. Я аккуратно, предварительно показав ей свои чистые, пахнущие мылом руки, положила ладони на ее живот поверх платья.

Буквально через пару минут правильного, размеренного дыхания я почувствовала крошечное, почти незаметное для обывателя, но очевидное для опытного акушера изменение. Каменный гипертонус матки неуверенно дрогнул. Спазмированные мышцы стали чуть мягче. Ткани наконец-то получили долгожданный кислород.

- Вот так, - констатировала я, убирая руки. - Мы справимся.

Психологический контакт был установлен. Лечение началось.

В этот момент в коридоре раздались гулкие, уверенные мужские шаги. Я подняла голову от пациентки.

В распахнутую дверь спальни вошел Мстислав Патронов. Его темный сюртук, как всегда, сидел безупречно, а холодный взгляд мгновенно просканировал залитую светом комнату, безошибочно отмечая отсутствие портьер и выпрямленную спину сестры. Но пришел он не один.

Следом за князем в покои шагнул высокий, статный мужчина лет тридцати пяти. В одной руке он держал дорогой кожаный медицинский саквояж с начищенными медными замками, а другой - судорожно прижимал к лицу белоснежный батистовый платок, откровенно брезгливо морщась.

- Боже правый, Мстислав, - раздраженно протянул незнакомец, обводя комнату возмущенным взглядом. - Что за средневековое варварство? Здесь несет хлорной кислотой и щелочью так, словно мы находимся в анатомическом театре для бродяг, а не в спальне вашей сестры!

Арена была готова. Медицинский диспут обещал быть жарким.

Глава 5

Конфликт двух медицинских эпох стоял прямо передо мной, был одет в безупречный суконный костюм и отчетливо пах дорогим лавровым одеколоном.

Доктор Платон Добротнов, светило столичной хирургии, прибыл по вызову князя не с пустыми руками. В его крепкой хватке покоился массивный саквояж из толстой телячьей кожи, украшенный начищенными медными замками. Сам доктор выглядел лет на тридцать пять: статный, уверенный в себе мужчина с цепким взглядом человека, привыкшего, что его слову внимают с благоговением. Он был классическим, блестящим продуктом академической науки девятнадцатого века. И прямо сейчас этот продукт пребывал в состоянии крайнего эстетического и профессионального возмущения.

- Боже правый, Мстислав, - раздраженно процедил Добротнов, прижимая к лицу ослепительно белый батистовый платок. - Что за средневековое варварство? В спальне вашей сестры несет хлорной известью так, словно мы находимся в анатомическом театре для бродяг. Куда делись портьеры? Сквозняки погубят княжну быстрее любой хвори!

Я медленно, стараясь не морщиться от боли в покрытых корками коленях, поднялась с деревянного стула, на котором до этого сидела перед Авророй. Вероника внутри меня усмехнулась, хотя лицо Зои осталось абсолютно бесстрастным. Кожа на моих ладонях горела и нещадно стягивалась после двух часов возни с агрессивным щелочным мылом и горячей водой. Воротник глухого серого платья сиделки, которое мне выдали утром, непривычно натирал шею, но отсутствие проклятого стального корсета компенсировало все неудобства. Я могла нормально дышать. И могла трезво оценивать противника.

Платон не был идиотом или карикатурным злодеем. Он был профессионалом своего времени, искренне желающим помочь. Просто его знания отставали от моих больше чем на век.

Доктор, наконец, убрал платок от лица и решительным шагом направился к креслу, в котором сжималась Аврора. На меня он даже не взглянул. Для выпускника столичного университета уличная бабка-повитуха, кем бы она ни числилась у князя, была пустым местом, досадным элементом мебели.

- Позвольте, княжна, - Добротнов опустился на одно колено перед Авророй, действуя быстро и без лишних сантиментов.

Он профессиональным, отработанным жестом откинул край ее домашнего платья, обнажая щиколотки. Затем нажал двумя пальцами на бледную кожу чуть выше косточки. Я видела то же самое, что и он: кожа поддалась, образуя глубокую, долго не исчезающую ямку. Тяжелый, плотный отек. Затем Платон взял запястье девушки, замеряя пульс по своим золотым карманным часам на цепочке. Из внутреннего кармана сюртука он извлек деревянную трубку - монуральный стетоскоп Лаэннека, приставил его к груди Авроры и нахмурился, вслушиваясь в ритм сердца.

- Картина предельно ясна, - доктор поднялся, тяжело вздохнув, и обернулся к Мстиславу, который все это время молча стоял у дверного косяка, скрестив руки на груди. - Это классическое полнокрое, ваша светлость. Организм не справляется с избытком застоявшейся, дурной жидкости. Сердце работает на износ, пульс нитевидный, но частый. Если не принять срочных мер, к вечеру мы получим тяжелейшие эклампсические судороги, отказ почек и... худший исход.

Мстислав не дрогнул, лишь его квадратная челюсть напряглась. Он смотрел не на врача, он смотрел на меня, ожидая реакции.

- Что вы предлагаете, Платон? - ровно спросил князь.

- Флеботомию. Немедленно, - Добротнов уже ставил свой роскошный саквояж на прикроватный столик. Медные замки сухо щелкнули. - Нужно пустить кровь. Минимум десять

унций, чтобы снять давление с матки и внутренних органов. Уменьшим объем крови - предотвратим судороги. Это единственный научно обоснованный метод в данном случае.

Из недр бархатной обивки саквояжа на свет появился сверкающий серебром лоток и изящный, угрожающе острый ланцет.

Аврора, услышав слово "кровь", издала сдавленный, испуганный всхлип. Она инстинктивно вжалась в спинку кресла. Ее грудная клетка снова сжалась, правильное, глубокое дыхание, которого мы с трудом добились полчаса назад, сбилось на паническое. Я визуально зафиксировала, как ее живот под тканью платья мгновенно окаменел. Гипертонус вернулся, перекрывая кислород плоду.

- Нет.

Мой голос прозвучал негромко, но в звенящей тишине вымытой комнаты он ударил, как хлыст.

Я сделала один ровный, размеренный шаг вперед и физически встала между креслом княжны и столиком с инструментами. Я не стала размахивать руками, не стала театрально закрывать Аврору грудью. Я просто перекрыла доктору траекторию движения, встав в позу абсолютного, железобетонного превосходства, которую вырабатывала годами на утренних врачебных планерках, ставя на место самоуверенных интернов.

Добротнов замер. Он посмотрел на меня так, словно антикварный комод внезапно открыл рот и начал давать ему указания.

- Что ты сказала, женщина? - его брови поползли вверх, а на скулах проступили красные пятна возмущения. - Пошла прочь с дороги. Твое дело - таскать горячую воду, а не путаться под ногами у врача.

- Я сказала - нет, господин Добротнов, - мой баритон стал еще холоднее. - Вы не притронетесь к ней этим куском железа. У девочки глубочайшая анемия. У нее системное кислородное голодание плода и жесточайшее обезвоживание на фоне спазма сосудов. Выпустите из нее сейчас десять унций крови - и к утру получите два остывающих трупа.

Воздух в спальне можно было резать тем самым ланцетом.

Платон Добротнов побагровел. Шея над жестким, накрахмаленным воротничком его рубашки пошла красными пятнами. Столичное светило, хирург с безупречной репутацией, столкнулся с неслыханной дерзостью. Маргиналка, повитуха из грязного Заречья, не просто перечила ему - она запрещала ему работать в присутствии министра тайной полиции.

- Ты в своем уме?! - голос доктора сорвался на возмущенный фальцет. Он резко обернулся к князю. - Мстислав! Прикажите вашей прислуге убратся, иначе я отказываюсь нести ответственность за жизнь княжны! Эта шарлатанка убьет ее своими темными суевериями! Анемия? Обезвоживание при таких явных отеках?! Жидкость буквально сочится из ее тканей, это видно невооруженным глазом!

Князь Патронов не пошевелился. Его черные, непроницаемые глаза скользнули по лицу доктора, а затем снова остановились на мне. В этом взгляде читался холодный, хирургический интерес хищника, наблюдающего за боем. Он не спешил вмешиваться. Он проверял меня на прочность, ожидая, сломаюсь ли я под давлением авторитета.

- Мои суеверия, доктор, базируются на физиологии, - я не отвела взгляда, продолжая смотреть прямо в разъяренные глаза Добротнова. - То, что вы называете "полнокровием", есть не что иное, как тяжелая форма нефропатии, преэклампсия. Почки не справляются с нагрузкой, белок уходит из крови, поэтому жидкость скапливается в тканях, вызывая отеки.

Я видела, как он открывает рот, чтобы возразить, и жестко перебила:

- Но в самом сосудистом русле крови катастрофически мало! Жидкость ушла в ткани, понимаете? И если вы сейчас вскрыете ей вену, вы добьете ее кровеносную систему. Давление упадет до критических значений. Плацента перестанет снабжать ребенка кислородом окончательно.

Я сделала паузу, давая моим словам осесть в его мозгу. Я видела, как он пытается осознать услышанное.

- А что касается гипертонуса матки, - я намеренно ударила по нему латынью, чеканя каждое слово. - *Hypertonus uteri*. Гладкая мускулатура спазмирована. Кровоопускание этот спазм не снимет, оно лишь вызовет гипоксию. Нам нужны спазмолитики.

Рука Добротнова с зажатым в ней ланцетом медленно, против его воли, опустилась. Но сдаваться без боя он не привык.

- Латынь не делает тебя врачом, - процедил он, хотя спеси в его голосе поубавилось. - Ты вызубрила пару терминов, но не понимаешь сути. Если мы не пустим кровь, начнутся конвульсии. И что это за нелепые порядки в палате? Зачем ты залила все карболкой? Больной нужен свежий воздух, а не ядовитые пары хлора!

- Я залила все карболкой, чтобы уничтожить инфекцию, - отрезала я. - Вы возмущались отсутствием портьер. Вы, как хирург, наверняка читали труды доктора Земмельвейса о родильной горячке. О том, что врачи сами переносят трупный яд на своих руках из морга в родильные палаты. Пыль в этих портьерах и грязные руки прислуги - это идеальная среда для бактерий. Здесь теперь соблюдается строгая асептика.

- Вздор! - возмутился Платон, выпрямляя спину. - Теория Земмельвейса - оскорбление для любого уважающего себя врача! Руки джентльмена всегда чисты, это научно доказанный факт! Я мою руки перед едой...

- Бактериям плевать, джентльмен вы или уличный бродяга, - мой баритон безжалостно растоптал его аргумент. - Ваши руки перенесли инфекцию от прошлого пациента, которого вы осматривали час назад, на вашу одежду, на ваш саквояж и на этот ланцет. И если вы прикоснетесь к роженице, не вымыв руки в щелочи до локтей, вы станете ее убийцей.

Возникла долгая, оглушительная пауза.

Возмущение на лице столичного хирурга начало трескаться, уступая место чистейшему, первобытному когнитивному диссонансу. Мой язык, моя терминология, моя железобетонная логика - все это никак не монтировалось с образом малограмотной бабки из трущоб. Он пытался найти брешь в моих рассуждениях о сдвиге жидкостей в организме, но его собственный, острый ум ученого подсказывал ему, что эта пугающая теория объясняет симптомы гораздо точнее, чем устаревшее учение о "дурной крови".

- Откуда... - голос Добротнова внезапно осип. Он сглотнул, забыв про свой аристократический лоск. - Откуда уличная повитуха знает патологическую анатомию? Откуда тебе знакомы принципы осмотического давления и гипоксии?

Я ждала этого вопроса. Мозг, пользуясь чужой памятью, мгновенно вытащил нужный, подготовленный заранее фрагмент из биографии старой Зои.

- Я вдова, господин Добротнов, - я чуть опустила подбородок, изображая сухую, лишенную эмоций констатацию факта. - Мой покойный муж был врачом. Он оставил после себя сундук с переводами немецких анатомических атласов и современных европейских фолиантов. Я умею читать. И у меня феноменальная память. А еще, в отличие от некоторых господ профессоров, я хочу, чтобы мои пациентки выживали, а не истекали кровью ради соблюдения устаревших академических традиций.

Ложь была идеальной. Проверить знания покойного мужа из кривых переулков Заречья было невозможно, а сундук с книгами служил прекрасным алиби для моих знаний из двадцать первого века.

Платон молчал. Он смотрел на меня уже не с брезгливостью, а как на невероятный, невозможный научный феномен. В его глазах вспыхнул фанатичный исследовательский интерес. Он был ученым до мозга костей, и сейчас логика, изложенная женщиной в дешевом сером платье, победила его уязвленное мужское эго. Доктор медленно, словно под гипнозом, положил ланцет обратно в лоток и защелкнул замки саквояжа. Он признал свое теоретическое поражение.

В этот момент от дверного косяка отделился Мстислав. Его шаги по паркету были бесшумными.

- Полагаю, вопрос с методами лечения закрыт, Платон, - голос министра звучал ровно, но в нем отчетливо проскальзывали опасные, стальные нотки. - Зоя останется при Авроре. Ты будешь навещать княжну как консультант. И как хирург, если... ситуация выйдет из-под контроля. Но правила в этом крыле отныне устанавливает она.

Князь ясно дал понять: иерархия выстроена окончательно. Моя неприкосновенность подтверждена.

Я не стала праздновать победу, картинно ухмыляться или бросать на князя полные признательности взгляды. Время было самым ценным ресурсом, который мы сейчас теряли. Я потеряла красные, шелушащиеся от мыла предплечья, посмотрела на ошарашенного столичного доктора и будничным, суровым тоном главврача перешла к сути.

- Раз уж вы все равно здесь и у вас есть доступ к столичным запасам, доктор Добротнов, - я начала загибать пальцы. - Мне нужна сульфат магнезии в растворе. Много магнезии. Чистый медицинский спирт, не меньше галлона. Эфир хорошей очистки. Набор шелковых нитей и качественные хирургические иглы, мои никуда не годятся. И достаньте мне экстракт валерианы. Будем лечить княжну по науке.

Платон Добротнов, светило хирургии, машинально кивнул, доставая из внутреннего кармана сюртука блокнот и карандаш, чтобы покорно записать поручения уличной повитухи.

Глава 6

- Шелковые нити, доктор Добротнов. Качественные, прочные, средней толщины. И никакого кетгута, - я в упор посмотрела на светило столичной медицины, не давая ему ни малейшего шанса на академическое снисхождение.

Платон замер с занесенным над блокнотом карандашом. В его глазах, еще минуту назад горевших почти фанатичным исследовательским азартом, мелькнуло откровенное профессиональное раздражение.

- Вы отрицаете кетгут? - он недоверчиво хмыкнул, поправляя жесткий накрахмаленный воротничок своей белоснежной рубашки. - Материал, который хирурги с успехом используют по всей просвещенной Европе? Овечья струна прекрасно рассасывается в теле, это доказанный научный факт. Шелк же останется в тканях навсегда, провоцируя неизбежное нагноение. Вы, должно быть, невнимательно читали старые фолианты своего мужа, Зоя. Наука ушла далеко вперед.

- Кетгут - это бараньи кишки, господин Добротнов, - сухо парировала я, прекрасно зная, какого отвратительного, нестабильного качества был этот материал в девятнадцатом веке, до изобретения надежной химической стерилизации. - И рассасывается он внутри человека не магическим образом, а путем банального гниения прямо в закрытой ране. Ваша хваленая "похвальная слизь", о которой так любят рассуждать профессора на кафедрах - это прямой путь к сепсису для моей пациентки. А шелк я могу выварить в крутом кипятке. Долго и безжалостно. Бактерии погибнут, нить станет абсолютно стерильной. Я понятно объясняю физику процесса?

Платон открыл рот, чтобы выдать очередную порцию академических аргументов, но воздух в комнате внезапно стал плотным и тяжелым.

- Достаточно дискуссий, - голос Мстислава Патронова прозвучал негромко, но от этой ровной интонации у любого нормального человека по спине пробегал холодок. Князь оторвался от дверного косяка и сделал шаг вглубь вымытой карболкой комнаты. - Если она требует шелк, Платон, ты привезешь шелк. Моя задача - обеспечить сестре выживание, а не соблюдение ваших столичных медицинских мод. Но раз уж ты здесь со своим саквояжем, у меня есть для тебя работа.

Мстислав перевел тяжелый, непроницаемый взгляд на меня.

- Мои люди отобрали пять служанок, которые будут допущены в это крыло для черной работы. Я не желаю, чтобы они принесли сюда уличную заразу или чахотку. Доктор осмотрит их. А ты, Зоя, пойдешь с нами и проконтролируешь процесс. Раз уж правила гигиены теперь устанавливаешь ты.

Это был приказ, не терпящий ни малейших возражений. Я молча кивнула.

Мы вышли из покоев Авроры. Я заставила себя идти ровно, хотя тело отчаянно бунтовало против малейшей активности. Вчерашние побои на брусчатке давали о себе знать суровой физиологической расплатой. Под плотным сукном моего нового, дешевого серого платья, выданного прислугой, кожа горела огнем. На ободранных коленях за ночь образовались жесткие, плотные корки, которые теперь нещадно тянули и трескались при каждом шаге по лестнице, отзываясь тупой пульсирующей болью. Воротник платья, лишенный привычной для аристократок мягкой шелковой подкладки, неприятно натирал шею. Но отсутствие проклятого стального корсета было огромным благом - я хотя бы могла глубоко дышать, снабжая измученные мышцы кислородом.

Нас привели в просторную, светлую комнату на первом этаже, пахнущую хозяйственным мылом и кислым запахом нервного человеческого пота. Пять девушек в одинаковых темных платьях с белыми косынками стояли у стены, опустив глаза в пол. При виде Мстислава они

словно окаменели, инстинктивно вжимаясь лопатками в деревянные панели. Страх перед хозяином был здесь почти осязаемым.

Платон Добротнов приступил к делу со всей серьезностью столичного светила. Он подходил к каждой девушке, сохраняя между собой и прислугой почтительную, брезгливую дистанцию - истинный джентльмен, не желающий марать руки о простолудинов больше необходимого. Он просил их высунуть язык, профессиональным жестом прикладывал два пальца к запястьям, замеряя пульс по своим золотым карманным часам, и задавал пару дежурных вопросов о пищеварении.

Трое были признаны абсолютно здоровыми. Четвертая оказалась сопливой, и Платон небрежно отмахнулся, велел экономке отправить ее на кухню, подальше от левого крыла.

Пятой была молоденькая, худенькая девчонка-судомойка. Я стояла чуть в стороне, прислонившись спиной к прохладной стене, и мой профессиональный взгляд диагноста, натренированный десятилетиями работы в экстренной медицине, мгновенно выхватил тревожные детали.

Девушка выглядела паршиво. Ее лицо приобрело землисто-серый оттенок, на лбу блесла испарина, а губы были неестественно сухими. Но хуже всего была ее поза. Она держала голову чуть набок, напряженно вытянув шею, словно боялась сделать лишнее движение.

Платон подошел к ней. Взял за запястье. Нахмурился.

- Пульс частит, - констатировал доктор, убирая часы обратно в карман безупречного сюртука. - И налицо явный озноб. Как давно тебя знобит, милая?

- Со вчерашнего вечера, господин доктор, - прошептала служанка, не поднимая глаз. Ее голос дрожал, и она едва заметно сглотнула, поморщившись от боли.

- Классическая осенняя гнилая лихорадка, - безапелляционно заявил Платон, оборачиваясь к Мстиславу. - Ничего страшного, обычная простуда, вызванная сквозняками и сыростью от реки. Пропишу ей хину и три дня постельного режима в теплом помещении. К княжне ее, разумеется, пускать нельзя.

Мстислав коротко кивнул, собираясь отдать распоряжение экономке, но я не дала ему этого сделать.

- Какая, к черту, осенняя лихорадка, - мой баритон разрезал тишину комнаты с безжалостностью хирургического скальпеля.

Я отлепилась от стены и решительным шагом направилась к перепуганной девчонке. Платон возмущенно выдохнул, но я даже не посмотрела в его сторону. Я подошла к судомойке вплотную, безжалостно нарушая границы приличий. От нее исходил едва уловимый, но совершенно специфический запах. Это был не запах немывтого тела или кухонного жира. Это был сладковатый, приторно-тяжелый аромат гниющей плоти. Так пахнут анаэробные бактерии, когда они начинают пожирать живые ткани.

- Подними подбородок, - приказала я девчонке. Та затряслась от страха, но подчинилась.

Я не стала церемониться. Мои пальцы, красные и шелушащиеся от недавнего мытья в щелочи, решительно расстегнули две верхние пуговицы ее глухого серого воротника и оттянули жесткую ткань в сторону.

Платон, стоявший за моим плечом, шумно, с присвистом втянул в себя воздух.

Прямо под челюстью девушки, уходя вниз к ключице и скрываясь под тканью сорочки, пульсировала огромная, размером с крупное яблоко, багрово-синюшная шишка. Кожа над ней истончилась, натянулась до предела и блеснула, словно покрытая лаком. Вокруг очага разливалась угрожающая огненная краснота. Центр опухоли был мягким - явный симптом флюктуации. Там, внутри, скопился гной.

- Осенняя лихорадка, говорите? - я повернула голову и посмотрела прямо в глаза бледному доктору Добротнову. - Это флегмона шеи, господин хирург. Острый гнойный процесс в жировой клетчатке. Инфекция пошла, скорее всего, от гнилого зуба или микротравмы в горле.

- Боже правый, - пробормотал Платон, инстинктивно делая шаг назад и доставая свой батистовый платок. - Как я мог не заметить...

- Вы смотрели на нее с расстояния метра, боясь испачкать свой роскошный костюм, - жестко констатировала я. - Слушайте меня внимательно. Гнойник уже созрел. Кожа натянута так, что вот-вот лопнет. Но проблема в том, что шея - это не бедро и не ягодица. Здесь фасции устроены так, что инфекция неминуемо пойдет вниз. Если этот мешок с гноем прорвется не наружу, а внутрь, в средостение - девка умрет от сепсиса завтра к утру. И никакая хина из ваших запасов ей не поможет. Нужна немедленная хирургия. Вскрывать и дренировать. Прямо сейчас.

Судомойка, услышав слово "умрет", тихо заскулила и начала оседать на пол, теряя сознание от ужаса и токсикоза.

- Положите ее на стол! - рявкнула я на двух застывших у стены служанок. Мой командный голос сработал безотказно. Девыцы подхватили обмякшую товарку и волоком затащили на массивный дубовый стол, за которым прислуга обычно чистила овощи.

Платон очнулся от ступора. Его профессиональный инстинкт хирурга, задвинутый было аристократическими манерами, взял верх. Он быстрым шагом подошел к столу, на ходу расстегивая медные замки своего саквояжа. Из недр бархатной обивки на свет появился сверкающий серебряный ланцет с изящной ручкой.

- Я вскрою полость, - решительно заявил Добротнов, занося инструмент над шеей девушки.

- Стоять! - я перехватила его руку за секунду до того, как лезвие коснулось воспаленной кожи. Моя хватка была слабой из-за боли в стертых запястьях, но неожиданность жеста заставила его замереть. - Вы с ума сошли? Вы только что щупали пульс у сопливой девки, трогали дверные ручки, а теперь собираетесь лезть этим куском железа в открытую рану в миллиметре от сонной артерии?

- Я хирург, Зоя! Не смейте меня учить! - взвился Платон, пытаясь выдернуть руку.

- А я не собираюсь хоронить еще один труп в этом доме! - я не повышала голоса до визга, я била его тяжелыми, свинцовыми аргументами. - Руки в лохань, Платон. Немедленно.

Я кивнула на таз с остатками щелочного мыла и воды, стоявшего в углу комнаты.

- Вы заставите дворянина мыть руки в корыте для прислуги? - его лицо пошло красными пятнами возмущения.

- Бактериям плевать на вашу родословную! - отрезала я. - Снимайте сюртук, закатывайте рукава своей чудесной сорочки и трите кожу мылом до локтей. Пока вы не станете стерильным, вы к ней не притронетесь.

Платон бросил отчаянный взгляд на Мстислава, ища поддержки у равного по статусу. Но князь Патронов стоял у двери, сложив руки на груди, и его лицо напоминало высеченную из камня маску.

- Делай, что она говорит, - ровно произнес министр. В его голосе не было ни капли сочувствия к уязвленному эго доктора.

Платон стиснул челюсти так, что желваки буграми выступили на скулах. Он рывком скинул дорогой сюртук на ближайший стул, яростно засучил белоснежные манжеты и опустил руки в таз с мутной водой, остервенело растирая кожу куском жесткого мыла.

Пока он боролся со своей гордостью, я действовала. Из того же саквояжа я вытащила стеклянный флакон с чистым медицинским спиртом. Щедро плеснула жидкость прямо на лезвие серебряного ланцета, который Платон оставил на столе, а затем взяла стоявшую неподалеку зажженную керосиновую лампу. Сняла стеклянный колпак и поднесла лезвие к огню.

Спирт вспыхнул ровным, гудящим синим пламенем, выжигая невидимую смерть с металла.

- Готово, - я протянула еще горячий ланцет подошедшему Платону, чьи руки теперь были красными и мокрыми от локтей до кончиков пальцев.

- Почему вы сами не режете? - спросил он, с подозрением глядя на меня. Он все еще пытался найти подвох в моих действиях.

- Потому что у меня тремор, доктор, - я честно вытянула вперед свои ладони. Пальцы мелко, предательски подрагивали. - Вчера мне отбили ребра, и из-за постоянного болевого синдрома я банально не могу стабилизировать плечевой пояс. Тонкая моторика ни к черту, а здесь нужна твердая рука. Гнойник лежит прямо над сонной артерией и яремной веной. Дрогнет лезвие - и мы получим фонтан крови до потолка. Ваш выход, господин хирург. Режьте смело, вдоль кивательной мышцы.

Платон глубоко вздохнул. Спесь окончательно ушла из его глаз, уступив место абсолютной, ледяной концентрации профессионала. Он приставил стерильное лезвие к натянутой багровой коже и сделал один точный, выверенный разрез.

Из раны с влажным хлопанием брызнула густая, желто-зеленая масса, смешанная с темной кровью. Удушливый, тошнотворный запах гниения мгновенно заполнил комнату. Девчонка на столе слабо дернулась и застонала в полубессознательном состоянии.

- Глубже, - жестко командовала я, стоя вплотную к столу и не обращая внимания на брызги гноя, испачкавшие ткань моего серого платья. - Раскрывайте карман. Не бойтесь, фасция уже расплавлена. Дайте гною выйти.

Платон работал виртуозно. Его руки, лишённые привычной театральности, двигались экономно и быстро. Он расширил разрез тупым концом инструмента, позволяя зловонной массе свободно стекать в подставленный мною эмалированный лоток.

- Промывайте, - я сунула ему бутылку с раствором карболки. - Обильно. Прямо в полость. Вымывайте всю некротику.

Когда из раны показалась чистая кровь, я подала ему заранее приготовленную и прокипяченную в котелке узкую полоску льняной ткани.

- Вставляйте дренаж на самое дно раны. Рана должна зиять, края зашивать нельзя ни в коем случае, иначе гной снова скопится. Повязку менять дважды в день.

Операция заняла от силы десять минут. Служанка дышала ровно, смертельная бледность на ее лице начала понемногу отступать - токсическое давление в тканях упало.

Мы отошли от стола к медному умывальнику. Я взяла кувшин с чистой водой и начала лить ее на окровавленные руки Платона, пока он тщательно смывал с себя остатки хирургической грязи. Вода в медном тазу стремительно окрашивалась в грязно-розовый цвет.

- Я никогда не видел, чтобы абсцессы в этой зоне вскрывали так радикально, - негромко произнес Платон. В его голосе не осталось ни грамма превосходства. Только чистый, звенящий восторг ученого, только что сделавшего открытие. - Вы не побоялись задеть сосудистый пучок. Откуда такая уверенность, Зоя?

- Осмотическое давление, доктор, - я устало усмехнулась, перехватывая кувшин поудобнее. Боль в коленях снова напомнила о себе. - Гной сам прокладывает путь наименьшего сопротивления. Ткани уже расплавлены, сосуды смещены в сторону. Главное - не ковырять там вслепую, а дать широкий отток.

- Это гениально в своей простоте, - Платон взял жесткое полотенце и принялся вытирать руки. Он посмотрел на меня, и в уголках его глаз залегли морщинки от искренней улыбки. - Знаете, в университете старый профессор хирургии любил повторять: "Врачи не лечат болезни, Зоя. Они лишь перестраивают анатомию так, чтобы смерть заблудилась по дороге".

- Хороший был профессор, - я тихо рассмеялась в ответ. Смех вышел хриплым, царапающим саднящее горло, но абсолютно искренним. - Я бы добавила: и при этом главное - не занести в эту анатомию еще больше грязи своими же руками.

Платон усмехнулся, согласно кивая. На несколько долгих мгновений мы перестали быть столичным дворянином и уличной девкой. В этой душной, пахнущей карболкой и гноем комнате стояли двое профессионалов, объединенных общей, мрачной, но великой религией медицины. Мы понимали друг друга с полуслова.

Я подняла глаза от медного таза и мой взгляд столкнулся с взглядом Мстислава.

Князь Патронов все так же стоял у дверного косяка. Он не сдвинулся ни на дюйм, не изменил позы. Но воздух вокруг него словно заledenел. Его черные глаза смотрели на нас - на нашу непринужденную близость над умывальником, на нашу общую, непонятную ему шутку - с такой пугающей, темной интенсивностью, что мой смех мгновенно оборвался.

Это не было примитивной злобой или театральной яростью хозяина. Это была абсолютно холодная, собственническая, тяжелая ревность хищника. Ревность к тому интеллектуальному, профессиональному миру, который прямо сейчас разделили между собой светило хирургии и женщина в дешевом сером платье. Миру, в который у министра тайной полиции не было доступа.

Раздался сухой, резкий звук. Мстислав оттолкнулся от дверного косяка, и его сапоги тяжело ударили по деревянным половицам.

- Операция окончена, - ледяным, отсекающим любые эмоции тоном произнес князь. Он остановился в двух шагах от нас. - Доктор Добротнов, ваш экипаж подан. Завтра вы привезете заказанные медикаменты.

Мстислав перевел свой тяжелый взгляд на меня. В нем не было и следа того хрупкого доверия, которое я начала ощущать вчера вечером.

- А ты, Зоя, немедленно возвращайся в левое крыло. И не смей покидать его без моего приказа. Твое место там.

Иерархия была восстановлена жестоко и бескомпромиссно. Я молча опустила кувшин с водой на край умывальника. Спорить с человеком, чье лицо превратилось в каменную маску палача, было не просто бессмысленно - это было смертельно опасно.

- Как прикажете, ваша светлость, - сухо ответила я, глядя ему прямо в глаза, и, развернувшись, направилась к лестнице, унося с собой запах карболки и тяжелое предчувствие надвигающейся бури.

Глава 7 (Мстислав)

от лица Мстислава

"Опиумная зависимость тяжелой стадии, тремор конечностей, склонность к затяжной истерии и деградации личности", - я прочитал эту строчку из агентурного досье вслух, позволив себе короткую, мрачную усмешку.

Картонная папка с золотым вензелем Особой Канцелярии лежала на краю моего массивного стола, освещенная тусклым, подрагивающим светом электрической лампы. Я отложил тончайший пинцет, которым только что устанавливал анкерное колесо в разобранный механизм швейцарских карманных часов. Работа с микроскопическими деталями, требующая абсолютной тишины и концентрации, всегда помогала мне выстраивать мысли в строгий, математический порядок. Но сегодня мое уравнение категорически не сходилось.

Мой агентурный аппарат работал без сбоев: бумаги на столе содержали исчерпывающую, грязную информацию о жизни маргиналки Зои Покудовой из кривых переулков Заречья. Вся ее биография была пропитана дешевой сивухой, подпольными абортами для загулявших девок и шантажом мелких столичных чиновников.

Проблема заключалась в том, что женщина, находящаяся сейчас в левом крыле моего дома, не имела с этой биографией ничего общего.

За годы службы Империи я привык не верить словам, но я безоговорочно доверял фактам и физиологии. Шел второй день с момента ее ареста на улице. Если верить докладу о ее наркотической зависимости, сегодня утром у пленницы должна была начаться жесточайшая опиумная ломка. Тело требовало бы маковой настойки, мышцы сводило бы глухой судорогой, по серому лицу тек бы липкий пот, а психика выдала бы тяжелую паническую атаку.

Вместо этого я видел кристально ясные, жесткие глаза. Я видел, как эта женщина сегодня днем хладнокровно, словно генерал на поле боя, командовала столичным хирургом Платоном Добротным, заставляя его резать гнойник в миллиметре от сонной артерии служанки.

Меня неприятно, почти болезненно резануло то, с какой легкостью она нашла общий язык с этим лощеным доктором. Они обменивались терминами, они понимали друг друга с полуслова в той кровавой, залитой карболкой комнате, создав свой собственный, закрытый от меня мир.

Легенда о старых медицинских книгах покойного мужа, которой она так ловко заткнула рот Платону, не выдерживала никакой критики. Я видел достаточно теоретиков из университета. Столкнувшись с фонтаном зловонного гноя, теоретики бледнеют, суеются и ищут батистовый платок. Эта женщина мыла руки в едкой щелочи так, словно всю жизнь готовилась клевой хирургии.

Я закрыл папку, с силой захлопнув картонную обложку. Передо мной находилась блестящая, смертельно опасная самозванка. Я не знал, кто она, откуда взялась и на какую разведку работает, если вообще работает на кого-то. Но прямо сейчас эта невозможная, несуществующая в природе Зоя была единственным шансом моей сестры на выживание. И я намеревался лично проверить, как далеко заходит ее влияние.

Оставив детали часов на сукне стола, я вышел из кабинета.

Островной особняк спал, погруженный в тяжелую, холодную осеннюю тишину. Однако левое крыло встретило меня абсолютно чужеродной атмосферой. Отсюда навсегда исчез запах старой аристократической пыли, дорогой мастики и застоявшегося страха. Воздух был резким, вымороженным до стерильности и до рези в глазах пах хлорной известью.

Я бесшумно ступал по коврам, пока не остановился у приоткрытой двустворчатой двери в покои Авроры.

Свет внутри был приглушен. Я не стал входить, замерев в густой тени дверного проема. Мой взгляд, натренированный годами контрразведки фиксировать малейшие детали, мгновенно оценил обстановку.

Зоя сидела на простом деревянном стуле возле кресла сестры. На ней было глухое серое платье из плотного хлопка, выданное прислугой. Но мое внимание привлекла ее поза. Она сидела неестественно прямо, чуть завалив корпус на левый бок и стараясь дышать мелко, ключицами. Травма ребер. Вчера на брусчатке ей крепко досталось кованым сапогом от моего же конвоира. Любая другая женщина на ее месте давно бы слегла в постель, требуя лекаря, или использовала бы свои увечья, чтобы выторговать у меня послабления. Эта же просто стиснула зубы и продолжала работать, стоически игнорируя бунтующую физиологию.

В ее руках лежал плотный лист бумаги и угольный карандаш.

- Смотрите, Аврора, - ее низкий, глубокий баритон тек по комнате ровно, без фальшивых, сюсюкающих интонаций, которыми обычно грешат сиделки. - Это строение обычного папоротника. У него нет семян, он размножается спорами. Вот здесь, на нижней стороне листа. Видите эти крошечные бугорки?

Она делала набросок, плотно прижимая локоть к боку, чтобы минимизировать болезненные движения в грудной клетке. Из-за невозможности двигать плечевым поясом, ее пальцы сжимали уголь крепко, почти жестко, компенсируя мышечную слабость точными, выверенными движениями кисти.

Аврора, которая последние два месяца сидела сжавшись в комок и смотрела исключительно в одну точку на обоях, чуть подалась вперед. Ее тонкие пальцы неуверенно легли на край листа.

- Они похожи на маленькие щиты, - голос сестры прозвучал хрипло от долгого молчания, но в нем не было привычного животного ужаса.

- Именно так. Природа всегда создает жесткую броню для того, что должно выжить и дать новую жизнь, - Зоя отложила карандаш и мягко, но без фамильярности поправила плед на коленях княжны. - Ваше тело делает сейчас то же самое. Оно защищает вас. И мы с вами ему поможем.

Я перестал дышать. Аврора подняла глаза на женщину в сером платье и впервые за те долгие, черные недели, прошедшие с момента трагедии... улыбнулась. Это была крошечная, надломленная, слабая улыбка, но она была абсолютно настоящей.

Внутри меня что-то тяжело и необратимо сдвинулось. Я обладал колоссальной властью, мог одним росчерком пера отправить человека в подвалы или возвысить до небес. Мои ресурсы позволяли купить половину этой империи. Но все мои возможности оказались бесполезны перед разбитой психикой восемнадцатилетней девочки. А эта колючая, прагматичная женщина с растертыми в кровь запястьями просто пришла, вымыла полы щелочью, пресекла истерику столичного хирурга и вернула моей сестре рассудок.

Я медленно отступил в темноту коридора, понимая, что мое внезапное появление сейчас лишь разрушит этот хрупкий, интимный момент доверия.

В нескольких шагах от лестницы, ведущей на первый этаж, от деревянных панелей стены бесшумно отделилась тень. Емельян. Мой начальник охраны и человек, чья преданность измерялась не деньгами, а пролитой за мой род кровью.

- Ваша светлость, - голос Емельяна был едва громче шелеста сквозняка.

- Докладывай, - я мгновенно переключился в режим министра, отсекая лишние эмоции.

- Агентура из Заречья только что прислала весточку. Сегодня во второй половине дня вокруг лачуги Зои Покудовой крутились чужие люди. Сбили дверной замок, перевернули все внутри вверх дном.

Я чуть прищурился, анализируя информацию. Обычная столичная полиция не работает так грубо и быстро без официального ордера.

- Кто именно?

- Никанор, - выплюнул имя Емельян, словно оно было отравленным. - Ищейка Лязгова. Он лично тряс соседей в переулке, выпытывая, куда пропала повитуха и не забирал ли кто ее вещи из тайников.

Демид Лязгов. Имя моего главного политического врага и владельца крупнейших сталелитейных заводов повисло в прохладном воздухе коридора. Человек, чьи амбиции простирались далеко за пределы коммерции. Пазл начал складываться с пугающей четкостью. Люди Лязгова не стали бы марать руки, лично копаясь в грязном белье уличной шарлатанки просто из любви к правосудию.

- Если Никанор ищет ее с таким рвением, значит, старая Зоя действительно хранила у себя что-то, способное критически ударить по Лязгову, - ровно произнес я, просчитывая варианты на три хода вперед. - Или она шантажировала кого-то из его ближайшего, доверенного окружения.

- Прикажете перехватить Никанора в городе и спустить в наши подвалы на допрос? - Емельян положил широкую ладонь на рукоять револьвера, скрытого под суконным сюртуком.

- Нет, - я отрицательно качнул головой. - Если Лязгов поймет, что мы заинтересовались его цепным псом, он начнет копать в сторону моего ведомства. А мне сейчас нужно абсолютно глухое спокойствие вокруг этого острова.

Я подошел к высокому стрельчатому окну. На улице накрапывал мелкий, ледяной осенний дождь, размывая газовые огни столицы на другом берегу реки.

- Сделай вот что, Емельян. Отправь наших людей в Заречье. Пусть пустят по кабакам и борделям слух, что Зойку-шарлатанку вчера видели на Николаевском вокзале. Скажите, что она купила билет до Москвы в третьем классе, сбегая от карточных долгов. Пусть ищейки Лязгова теряют время, обнюхивая перроны.

- А ее лачуга?

- Установите за домом круглосуточное скрытое наблюдение. Внутрь не лезть, ничего не трогать. Если Зоя прятала там какие-то записи, я хочу знать, кто еще попытается за ними прийти. И усильте патрули на реке. Ни одна лодка, ни один паровой катер не должен приблизиться к острову без моего личного досмотра.

- Будет исполнено, ваша светлость.

Емельян растворился в темноте лестничного пролета так же бесшумно, как и появился.

Я остался стоять у окна, глядя на темные, тяжелые воды реки, отрезающие мой дом-крепость от остального мира. Мои пальцы машинально отбили короткий, ровный ритм по деревянному подоконнику.

Старой Зои Покудовой больше не существовало. Та папка, что осталась лежать на моем столе, превратится в пепел в камине сразу, как только я вернусь в кабинет. Женщина, что сейчас сидела в сером платье в комнате моей сестры, была непредсказуемой аномалией, чужеродной деталью, способной сломать весь мой выверенный, жестокий государственный механизм. Она лгала мне о своем прошлом, она не боялась моей власти, и она скрывала знания, опережающие академическую науку.

Я медленно сжал руку в кулак, чувствуя, как холодная логика контрразведчика уступает место темному, первобытному собственническому инстинкту хищника. Теперь она принадлежала моей юрисдикции. Она была моей ответственностью. И я переломаю хребет любому, от Лязгова до столичных жандармов, кто попытается подойти к ней на расстояние выстрела.

Игра началась всерьез, и в этой партии я не собирался отдавать своего лучшего ферзя.

Глава 8

Стук зубов о край толстого граненого стакана раздался в полумраке комнаты слишком резко. Вода выплеснулась на свежие, прокипяченные вчера горничными простыни, оставив темное, быстро расплзающееся пятно. Я перехватила стакан левой рукой, а правой жестко, по-медицински зафиксировала дрожащий затылок Авроры, не давая ей поперхнуться.

Девушка билась в жесточайшем приступе паники. Ее глаза были широко распахнуты, но зрачки, расширенные до состояния черных блюдец, совершенно не реагировали на тусклый свет прикроватного электрического ночника. Она смотрела сквозь меня, застряв в липком, удушливом мороке своего персонального ада. Психологическая плотина, которую я так старательно выстраивала последние сутки, рухнула под натиском подсознания.

- Нет, пожалуйста, - хрипела княжна, мотая головой из стороны в сторону. Крупная испарина покрыла ее землисто-серое лицо, склеивая тонкие пряди волос. Пальцы с побелевшими костяшками судорожно комкали край одеяла. - Горькое вино... Я не хочу... Сладкий дым, от него так тошнит...

Я отставила стакан на тумбочку и подалась вперед, вслушиваясь в каждое оброненное ею слово. Мой мозг, натренированный десятилетиями работы в экстренной хирургии и реанимации, привык вычленивать крупницы ценного анамнеза даже из бессвязного бреда пациентов, отходящих от тяжелого наркоза.

- Дышите, Аврора, - мой баритон звучал низко, размеренно, как тяжелый метроном. Я положила ладони на ее напряженные плечи, давая физическую точку опоры. - Вы в безопасности. Здесь никого нет. Слушайте мой голос.

Но она не слышала. Приступ развивался по нарастающей.

- Тяжелый камень, - ее голос сорвался на жалкий, надорванный скулеж. Она инстинктивно попыталась сжаться в комок, подтягивая худые колени к груди. - Царапает кожу... Ноги ватные. Руки как чужие, не могу поднять... Не могу оттолкнуть... Боже, я не могу пошевелиться!

Пазл в моей голове сложился с пугающей, тошнотворной ясностью. Окончательный диагноз не оставлял камня на камне от иллюзий. Никакого тайного, глупого романа с трагическим финалом не было и в помине. Никакого грехопадения по неопытности или пылкой юношеской страсти, о которых так любят судачить в столичных салонах. Восемнадцатилетнюю девочку банально, расчетливо и очень жестоко опоили.

Симптоматика, которую она сейчас выдавала через прорывающиеся сквозь шок воспоминания, была классической для криминальной токсикологии. Парализующая слабость в конечностях, неспособность сопротивляться при сохранении обрывков ясного сознания, специфическая горечь напитка, которую преступник не смог замаскировать даже густым, сладким сигарным дымом в комнате. Хлоралгидрат. Или высокая, ювелирно рассчитанная концентрация экстракта опия, смешанная с крепким алкоголем.

Я опустила взгляд на живот княжны и глухо выругалась сквозь зубы. То, чего я боялась больше всего, произошло. От переживаемого во сне ужаса матка Авроры снова пришла в состояние жесточайшего гипертонуса. Мышцы окаменели, превратившись в монолит, перекрывая доступ кислорода плоду. Если этот спазм не снять в ближайшие пару часов, давление в сосудах спровоцирует преждевременную отслойку плаценты. И тогда - обильное внутреннее кровотечение и смерть.

Медицинские запасы лощеного доктора Добротнова, которые он по моему требованию доставил вчера, здесь были бесполезны. Магnezия, которую мы вливали пациентке, давала лишь временный эффект. Она блокировала рецепторы, но не могла пробить такую мощную, глубинную психосоматическую броню. Мне нужны были сильные, специфические спазмолити-

тики. Настойка белладонны, экстракт красавки - алкалоиды, способные прицельно расслабить гладкую мускулатуру на грани токсического шока. В официальных, чистеньких аптеках Златограда такие препараты продавали только по строгим рецептам, под подпись известных хирургов и в мизерных, смешных дозах.

Но я знала, где взять концентрат.

Если Аврору опоили сложным, многокомпонентным составом, то кто-то в столице должен был этот состав изготовить и продать преступнику. Прежняя Зоя-шарлатанка, чье тело мне досталось в нагрузку к этой жизни, промышляла далеко не только криминальными абортами. Ее память, словно открывшийся пыльный архив, услужливо подкинула мне образы темных, плотно закупоренных воском стеклянных пузырьков, спрятанных глубоко под кирпичами кривобокой печи в лачуге Заречья. Моя предшественница знала "черный рынок" фармакопеи от и до. И там же, в этом же пыльном тайнике, она прятала свой грессбух - зашифрованные записи о том, кто, когда и за какие суммы покупал у нее подобные "деликатные" вещи.

Решение созрело мгновенно. Мне нужно было срочно попасть в трущобы.

Утро началось без лирических отступлений. Накачав Аврору легким валериановым отваром и убедившись, что она забылась тревожным, но ровным сном, я оставила у ее постели самую толково выглядящую горничную и вернулась в свою тесную комнату.

Быстрое умывание ледяной водой из медного кувшина окончательно прогнало остатки ночного адреналина. В мутном стекле зеркала над тазом отразилось чужое бледное лицо с заострившимися скулами и пожелтевшим, сходящим кровоподтеком на подбородке. Физиология брала свое. Третьи сутки после избиения на брусчатке - самое паршивое, кризисное время для организма. Под грубым серым сукном платья тело превратилось в один сплошной, пульсирующий очаг воспаления. Отбитые кованым сапогом конвоира ребра ныли тупой, изматывающей болью при каждом глубоком вдохе, заставляя дышать мелко, ключицами. На разодранных коленях образовались плотные, жесткие струпы, которые нещадно стягивали кожу и грозили треснуть до крови, стоило мне неосторожно согнуть ногу.

Я не стала жалеть себя. Жалость не лечит переломы. В прошлой жизни я проводила многочасовые экстренные операции с температурой под сорок или почечной коликой, глуша боль лошадиными дозами современных анальгетиков. Сейчас анальгетиков у меня не было, поэтому я просто стиснула зубы до скрипа эмали и заставила себя выпрямить спину.

В дверь коротко, почти робко постучали. Старшая экономка Аграфена, намертво усвоившая урок с карболкой и угрозой подвалов Канцелярии, теперь вела себя тише воды. Она молча, не поднимая глаз, поставила на деревянный стол поднос с глубокой тарелкой горячей, густой овсяной каши, щедрым куском отварного мяса и чашкой крепкого черного чая. Я съела всё до последней крошки, механически, словно закидывая уголь в топку, пережевывая пищу. Мне нужен был белок для восстановления поврежденных тканей. Сегодня предстоит тяжелый день, и падать в гипогликемический обморок в мои планы категорически не входило.

Закончив с завтраком, я поправила глухой воротник платья и решительным шагом направилась в правое крыло особняка - туда, где располагались личные покои хозяина острова. Охрана в темных коридорах смотрела на меня хмуро, инстинктивно подбегаясь, но никто не посмел преградить путь женщине, которой князь публично передал власть над медициной в этом доме.

Я не стала топтаться у массивных дубовых дверей кабинета. Просто нажала на медную ручку и переступила порог.

Мстислав Патронов не предавался утренней меланхолии. Министр тайной полиции находился за своим широким рабочим столом. Безупречно выбритый, в темном, идеально сидящем жилете поверх белоснежной сорочки, он методично и быстро ставил жесткие резолюции на стопках агентурных донесений. В нагретом воздухе кабинета висел едва уловимый, смешанный аромат хорошего табака, дорогой оружейной смазки и свежих, едких чернил.

Он поднял на меня глаза. Черные, пронзительные, считывающие любую эмоцию вошедшего за долю секунды.

- Аврору изнасиловали, - ровным, лишенным театрального трагизма голосом произнесла я, останавливаясь у края его стола. - Никакой любви там не было. Девочку опоили тяжелым наркотическим раствором на основе хлорала или концентрированных опиатов.

Мстислав не вскочил с кресла. Не разбил в картинной ярости чернильницу. Лишь длинные пальцы, сжимавшие перьевую ручку, замерли на мгновение, а линия его квадратной челюсти напряглась так, что под светлой кожей перекатились жесткие бугры желваков.

- Откуда такие выводы? - его голос прозвучал обманчиво тихо, но в этой тишине лязгнул металл.

- Собрала анамнез во время ее ночной панической атаки, - я оперлась костяшками покрасневших от щелочи пальцев о столешницу, игнорируя саднящую боль в ребрах. - То, что она описывает в бреду - это стопроцентная реакция на парализующие токсины. Но хуже другое. Из-за психологического шока гипертенус вернулся. Ее матка сейчас тверже этого дерева. Если я не сниму спазм к вечеру, начнется кровотечение. Мне нужны экстракты белладонны высокой концентрации и алкалоиды. Срочно.

- Напиши список, - коротко бросил Мстислав, придвигая ко мне чистый лист казенной бумаги. - Мои люди поднимут с постели любого аптекаря в столице. Выломают двери, если потребуется.

- В столичных аптеках этого нет, ваша светлость, - я отрицательно качнула головой. - Такие концентрации запрещены к свободной продаже. Но они есть у меня. В лачуге Заречья. В тайнике под печью. И что еще важнее, князь, там лежит моя черновая тетрадь. Гроссбух. Тот, кто купил раствор для вашей сестры, почти наверняка обращался к местным подпольным химикам. В моих записях может быть его имя. Мне нужно поехать туда.

Мстислав медленно отложил ручку. Он откинулся на высокую спинку кожаного кресла, сложил руки домиком на груди и посмотрел на меня с холодным, расчетливым интересом стратега, оценивающего расстановку фигур на доске.

- Плохая идея, Зоя, - ровно произнес он. - Вчера вечером агентура доложила мне, что твоя лачуга была перевернута вверх дном. Ищейки Демида Лязгова сбили замки и вскрыли половицы. Они ищут тебя и то, чем ты их шантажировала. Дом под контролем.

Любая нормальная женщина девятнадцатого века на моем месте должна была бы испуганно ахнуть, осесть на стул и согласиться с авторитетом могущественного мужчины. Но мне было сорок пять. Я привыкла работать с закрытыми системами и кризисным управлением.

- Обыск - это отличная новость, князь, - я криво усмехнулась, не отводя взгляда. - Следователи мыслят шаблонами. Если они уже всё сломали и не нашли бумаг, они уверены, что дом пуст. Лезть туда во второй раз и ковыряться в грязи они не станут. А тайник они не нашли, гарантирую. Это не просто выпиленный кусок доски в полу. Там стоит скрытая механическая защелка. Нужно нажать на три определенных раскаленных кирпича в своде печи в правильной последовательности. Грубой силой эту кладку не взять, а секрета они не знают. Только я. И вы сами сказали - периметр под наблюдением ваших людей. Значит, мы пойдем по защищенной территории.

Мы смотрели друг на друга в повисшей, звенящей тишине кабинета. Два абсолютно прагматичных, безжалостных в своей логике человека. Мстислав взвешивал риски. Отпустить свою единственную гарантию выживания сестры в город было смертельно опасно. Но возможность получить в руки документальные улики против Лязгова, своего главного врага, перевешивала чашу весов.

Он принял решение, как всегда, мгновенно. Использовать меня как наживку и ищейку одновременно.

- Жди здесь, - бросил князь и уверенно дернул бархатный шнур звонка у камина.

Спустя четверть часа экономка Аграфена внесла в кабинет одежду. Никаких изящных дамских плащей, нелепых шляпок с перьями или тонких перчаток для прогулок. Это была экипировка для грязной, скрытной работы. Широкая, тяжелая накидка из темно-серого сукна с глубоким капюшоном, способная надежно скрыть фигуру от пронизывающего ветра и чужих глаз, и пара прочных, растоптанных ботинок на плоской подошве, обильно смазанных дегтярной мазью от уличной влаги.

Я переобулась, с мрачным облегчением констатировав, что жесткая кожа не жмет, и накинула на плечи сукно плаща.

В этот момент от дубовых панелей у двери бесшумно отделилась тень. Мужчина, вошедший в кабинет так тихо, что я не услышала шагов, казался высеченным из серого гранита. Высокий, массивный, с абсолютно невыразительным, стертым лицом человека, которого физически невозможно запомнить в уличной толпе. На нем было просторное темное пальто, складки которого безошибочно выдавали наличие кобуры с тяжелым револьвером.

- Емельян, - Мстислав назвал имя так буднично, словно зачитывал рапорт. - Начальник моей личной охраны. Он пойдет с тобой.

Князь поднялся из-за стола. Он подошел ко мне вплотную. Запах табака и подавляющей, концентрированной власти ударил по обонянию. Мстислав смотрел прямо в мои глаза, но слова его предназначались не мне.

- Выйдете через угольный подвал, - ледяным, лишенным малейших человеческих эмоций тоном приказал он. - Если по пути к дому она попытается заговорить с городовым, подать любой знак прохожим или самовольно изменить маршрут... Если она сделает хоть один шаг в сторону от тебя, Емельян - стреляй ей в спину. Без предупреждения. На поражение. Мне не нужны сюрпризы в столице.

Никаких рыцарских клятв. Никакого показного мужского благородства. Это был сухой приказ министра, страхующего свои государственные инвестиции.

Я не стала оскорбленно задыхаться, кричать о поруганном доверии или заламывать руки. Системы безопасности работают именно так, и я глубоко уважала профессионалов, которые не оставляют слепых зон.

- Я поняла концепцию, ваша светлость, - сухо ответила я, натягивая капюшон глубже на лоб. - Не волнуйтесь. Я хочу вернуться к своей пациентке не меньше, чем вы хотите моего возвращения.

Мстислав едва заметно усмехнулся одними уголками губ, оценив мою железобетонную адекватность.

- Идите.

Емельян молча кивнул в сторону темного коридора. Мы спустились по узкой, винтовой каменной лестнице для прислуги, миновали пыльные складские помещения и оказались в глубоком подвале, где тяжело пахло угольной крошкой и речной сыростью. Начальник охраны провернул массивный ключ в неприметной железной двери, врезанной прямо в гранитный фундамент особняка.

Раздался глухой, скрежещущий звук. Металлическая створка подалась наружу. В лицо мне ударил ледяной, пронизывающий до костей ветер, пахнувший гниющей тиной, мазутом и мокрой брусчаткой. Остров выпускал нас в трущобы Златограда.

Глава 9

Архитектура нищеты выглядит одинаково в любом столетии. Кривые, вросшие в промерзшую землю заборы, перекошенные крыши и непролазная, чавкающая грязь под ногами, смешанная с конским навозом. Я шагала по узкому переулку Заречья, с прагматичным удовлетворением отмечая, что выданные экономкой растоптанные мужские ботинки, щедро промазанные дегтярной мазью, отлично держат ледяную слякоть. Тяжелое сукно темно-серого плаща надежно скрывало фигуру от промозглого речного ветра, но от внутренней боли оно спасти не могло.

Шли третьи сутки с момента моего избиения на брусчатке. С медицинской точки зрения - самый пиковый, кризисный период для травмированных тканей. Максимальное скопление медиаторов воспаления, отек мышц и активная фаза работы макрофагов. Ободранные колени покрылись жесткими, толстыми струпами, которые нещадно стягивали кожу и грозили лопнуть до крови при каждом неосторожном шаге. Отбитые кованым сапогом ребра ныли так тупо и изматывающе, что дышать приходилось мелко, одними ключицами. Любой глубокий вдох отдавался внутри острой, простреливающей резью. Но я просто стискивала челюсти и продолжала идти. Жалость к себе не обладает обезболивающим эффектом.

Емельян двигался на полшага позади и чуть левее. За всю дорогу от тайной лодочной переправы он не произнес ни слова и ни разу не пригрозил мне оружием. Он работал как идеальный, вышколенный телохранитель. Его невыразительный, цепкий взгляд непрерывно сканировал улицу, оценивая темные подворотни, отсекая от нас редких пьянчуг и подозрительных оборванцев одним мрачным поворотом головы. Мстислав приставил ко мне настоящего профессионала, а не киношного дуломаха, и этот факт успокаивал лучше любого анальгетика.

- Пришли, - негромко констатировала я, останавливаясь у знакомой кривобокой лачуги.

Хлипкая входная дверь была прикрыта, но массивный навесной замок оказался вырван с мясом, а косяк расщеплен. Мы переступили порог, и в нос сразу ударил запах застоявшейся пыли, перевернутой золы и гнилой соломы.

Следователь Никанор и его ищейки поработали здесь на славу. Внутри царил абсолютный, тотальный погром. Половицы в центре единственной комнаты были грубо вскрыты ломом, обнажая сырую землю подпола. Убогий матрас выпотрошен до последней нитки, немногочисленная глиняная посуда разбита в черепки. Я обвела взглядом этот хаос и криво усмехнулась. Жандармы всегда мыслят шаблонами. Они искали стандартные воровские тайники под полом или в оконных рамах, даже не попытавшись вникнуть в специфику ремесла прежней хозяйки дома.

Я направилась прямо к массивной, закопченной кирпичной печи, занимавшей треть комнаты. Осторожно, стараясь не делать резких движений, опустилась на колени прямо в рассыпанную по полу золу. Струпья на ногах предсказуемо треснули, обжигая болью, но я проигнорировала этот сигнал организма.

Тайник старой Зои не открывался магическими пассажами и не требовал ломать кладку голыми руками. Все решала элементарная физика. Память прежней владелицы тела услужливо подсказала нужную последовательность. Я нащупала три ничем не примечательных, покрытых толстым слоем сажи кирпича в самом своде топки. Надавила на первый, затем на третий, и с силой вдавила второй.

Где-то в глубине кирпичной кладки сухо щелкнул скрытый рычажный механизм. Тяжелая чугунная заслонка на задней стенке печи со скрипом отвалилась в сторону, открывая глубокую, темную нишу. Я спиной чувствовала, как Емельян, застывший у двери, молча фиксирует этот инженерный фокус.

Засунув руку в холодную пустоту тайника, я извлекла на свет плотный, обмотанный промасленной холстиной сверток. Пальцы быстро развязали жесткие узлы.

Сверху лежала она. Толстая тетрадь в потертом кожаном переплете. Гроссбух. Страницы были испещрены ровными столбцами цифр и непонятными, зашифрованными символами. То, ради чего мы сюда приперлись. Рядом с тетрадью обнаружился узкий деревянный футляр. Откинув крышку, я испытала настоящий профессиональный восторг. На синем бархате тускло поблескивал набор превосходных хирургических инструментов - пара острых ланцетов, зажимы, акушерские щипцы. Судя по клейму, первоклассная немецкая сталь. Старая Зоя-шантажистка явно забрала их в счет карточного долга у какого-то разорившегося столичного лекаря.

Но мне нужно было другое. На самом дне тайника стояли четыре пузатых флакона из темного стекла с плотно притертыми крышками. Я открыла первый. Сладковатый, тяжелый травяной дух.

- Вот оно, - тихо выдохнула я. - Экстракт красавки. Белладонна. То, что снимет спазм у княжны.

Я быстро проверила остальные пузырьки. Настойка опия. И... еще кое-что. Я чуть приоткрыла последнюю крышку и тут же поморщилась от резкого, едкого запаха, бьющего по рецепторам. Концентрированная азотная кислота. Никаких загадок - маргинальные повитухи часто использовали агрессивную химию для проверки подлинности золотых монет от богатых клиентов, ну и для жутких, криминальных процедур вытравливания плода. Суровая, мерзкая правда местной подпольной фармакопеи.

Я действовала быстро. Гроссбух и лекарства для Авроры отправились за пазуху, под надежную защиту плотного сукна. Футляр с инструментами я крепко перехватила левой рукой. А флакон с кислотой, предварительно проверив, намертво ли сидит стеклянная пробка, прагматично сунула в глубокий правый карман плаща.

- Уходим, - бросила я Емельяну, с трудом поднимаясь на ноги.

Мы вышли из лачуги. Осенние сумерки уже окончательно сожрали краски Заречья, превратив кривые улицы в мрачные, размытые сизым туманом коридоры. До лодочной переправы оставалось пройти всего два квартала.

В узком, слепом переулке между высокими глухими заборами нас уже ждали.

Их было пятеро. Трое преградили путь спереди, выступив из-за груды гнилых бочек. Двое бесшумно отрезали дорогу к отступлению сзади. Это были не официальные жандармы в мундирах - те бы просто зачитали ордер и шелкнули наручниками. Это были наемные бандиты, оставленные людьми Лязгова сторожить периметр на случай возвращения беглой повитухи. Крепкие, одетые в рваные тулупы, с тяжелыми, недобрыми лицами уличных стервятников.

Емельян среагировал за долю секунды. Он жестко, одним движением задвинул меня за свою широкую спину. Я ожидала сургучного щелчка взводимого курка, но телохранитель не стал доставать револьвер. Логика безупречна - выстрелы в тихом районе моментально соберут городских со свистками, начнется облава, и приказ Мстислава "сделать все тихо и без свидетелей" полетит к чертям.

Вместо огнестрела в правой руке Емельяна тускло блеснуло длинное, хищное лезвие охотничьего ножа, а на костяшках левой туго сел тяжелый свинцовый кастет.

Драка началась без киношных разговоров и пафосных угроз. Бандиты бросились на нас одновременно, беря массой.

Я не стала визжать, бегать кругами или пытаться лезть в бой с голыми кулаками. С моими травмированными ребрами любой случайный тычок стал бы фатальным. Мой мозг автоматически переключился в режим экстренной сортировки. Я вжалась спиной в гнилые доски забора, оценивая схватку как хирург - по векторам кинетической энергии, рычагам и анатомическим уязвимостям.

Емельян двигался пугающе эффективно. Уклонившись от первого удара дубинкой, он с тошным хрустом впечатал кастет в челюсть нападавшего. Тот рухнул кулем в грязь. Второму телохранителю коротким, экономным движением ножа распорол предплечье до самой кости, отсекая сгибательные мышцы.

Но их было слишком много для такого узкого пространства. Пока Емельян блокировал атаку спереди, третий бандит - здоровяк с изуродованным оспой лицом - обошел его сбоку. В руках ублюдка была зажата тяжелая, ржавая железная арматура. Он поднял ее для размашистого удара, метя ровно в затылок увлекшегося боем телохранителя. Емельян физически не успевал разорвать дистанцию со своими противниками, чтобы заблокировать смертельный удар со спины.

Если он упадет - мне конец. Гроссбух окажется у Лязгова, а Аврора умрет от кровотечения без лекарств.

Моя рука сама нырнула в карман плаща. Пальцы обхватили холодное стекло флакона с азотной кислотой. Я выхватила бутылек, поднесла ко рту и зубами с силой вырвала притертую пробку, сплюнув ее на землю. Я давала клятву лечить людей, но сейчас передо мной стоял вопрос банального, первобытного выживания.

- Эй! - рявкнула я своим фирменным, пробирающим до костей командирским баритоном, делая резкий выпад вперед.

Рябой инстинктивно скосил глаза на звук. И в эту самую секунду я широким, выверенным движением плеснула концентрированную кислоту ему прямо в лицо.

Переулок огласил жуткий, нечеловеческий, захлебывающийся крик. Едкая жидкость мгновенно прожгла дешевую ткань тулупа и въелась в кожу. Химический ожог третьей степени. В холодный воздух поднялся тошнотворный, кисло-сладкий дымок горящей плоти. Бандит выронил арматуру, которая со звоном ударилась о брусчатку, и рухнул на колени, обеими руками вцепившись в выжженные глаза. Он был так, что у меня заложило уши.

Эта чудовищная, дикая заминка дала Емельяну те самые драгоценные две секунды. Оставшиеся бандиты на мгновение оцепенели от ужаса перед вопящим подельником. Телохранителю этого хватило. Он скользнул вниз, подрезая ахиллово сухожилие одному врагу, а затем резким разворотом корпуса всадил тяжелую рукоять ножа в висок последнего. Тот обмяк без единого звука.

Бой закончился так же быстро, как и начался. Грязно, кроваво и абсолютно эффективно.

В наступившей тишине был слышен только сдавленный хрип рябого, катающегося по земле, и тяжелое дыхание Емельяна. Телохранитель медленно выпрямился. Он брезгливо вытер окровавленное лезвие ножа о тулуп лежащего без сознания бандита и перевел взгляд на меня.

В его стертых, невыразительных глазах не было ни капли прежней отстраненности. Он смотрел на женщину, которая только что без малейших колебаний изувечила человека, чтобы прикрыть ему спину. И в этом взгляде читалось абсолютное, мрачное, железобетонное уважение. О приказе Мстислава стрелять мне в спину при малейшем подозрении больше не могло быть и речи.

Меня накрыл жесточайший адреналиновый откат. Пальцы предательски задрожали, и пустой стеклянный флакон выскользнул из рук, вдребезги разбившись о камни. Спазм боли в ребрах наконец-то пробился сквозь шок, заставив меня судорожно глотнуть ледяной воздух.

Я выпрямила спину, подавляя тремор силой воли.

- Уходим, - сухо, врачебным тоном произнесла я, перешагивая через стонущего бандита.

- Пока он не выкрикнул сюда весь квартал.

Я первой зашагала в сторону реки. Емельян, спрятав оружие под пальто, двинулся следом. Теперь он шел не как мой конвоир, а как мой надежный тыл. Жесткий переплет гроссбуха успокаивающе холодил грудь под сукном плаща, а тяжесть пузырьков с белладонной придавала

сил. У нас были лекарства для Авроры и ключи к падению Лязгова, и теперь нужно было просто довести все это до острова.

Глава 10

Стекло пузатых флаконов глухо звякало о кожаный переплет тетради за пазухой при каждом жестком ударе парового катера о речную волну. Я сидела на ледяной деревянной скамье, плотнее запахивая полы промерзшего суконного плаща, и методично, как на утренней врачебной планерке, оценивала собственный физический ущерб.

Адреналин, державший меня на ногах во время кровавой стычки в переулке Заречья, окончательно выветрился, оставив после себя оглушающую слабость. Его место занял жесточайший, выматывающий озноб. Травмированные три дня назад ребра, дополнительно стянутые холодовым спазмом мышц, отзывались острой, простреливающей болью при малейшем движении. Дышать приходилось мелко, ключицами.

Емельян, сидевший напротив, напоминал высеченную из серого гранита глыбу, сливающуюся с темнотой осенней ночи. За всю дорогу от тайной лодочной переправы до гранитных ступеней островного особняка он не произнес ни звука. Мы прошли по сырому, пропахшему угольной крошкой и мазутом подвальному коридору, и когда я уже собиралась шагнуть на узкую винтовую лестницу для прислуги, телохранитель внезапно остановился.

Он молча сунул руку в глубокий карман своего просторного пальто, достал какую-то небольшую вещь и протянул ее мне.

Это была грубо, но с поразительной анатомической точностью вырезанная из куска дерева фигурка лисицы. Шершавая, все еще хранившая тепло чужих мозолистых пальцев. Я подняла глаза и посмотрела в стертые, невыразительные черты лица Емельяна. В его взгляде не было пафосной преданности, слезливой благодарности спасенного или картинного рыцарства. Это был знак абсолютного, мрачного, железобетонного мужского уважения к женщине, которая не стала визжать у него за спиной, а хладнокровно выжгла кислотой глаза бандиту, чтобы дать ему преимущество в бою.

- Спасибо, - так же коротко и сухо ответила я, пряча деревянного зверя в карман плаща.

Емельян едва заметно кивнул и бесшумно растворился в тенях подвала, отправляясь с докладом к хозяину острова.

Любой нормальный человек после такого вечера потребовал бы горячую ванну и стакан крепкого коньяка, но я была врачом, а у меня лежал тяжелый пациент. Оказавшись в левом крыле, я первым делом скинула промокший, заляпанный уличной грязью плащ и стянула тяжелые дегтярные ботинки прямо в коридоре, чтобы не нести трупобную инфекцию в чистую зону. Оставшись в одном нижнем белье и чулках, я метнулась в свою каморку, натянула запасное серое платье сиделки и остервенело вымыла руки в тазу с щелочным мылом по самые локти. Только после этого я вошла в покои Авроры.

Девочка спала, но это был изматывающий, липкий морок. Я аккуратно приложила чистые, согретые дыханием пальцы к ее животу. Матка по-прежнему оставалась твердой, как бильярдный шар. Жесточайший гипертонус никуда не делся, безжалостно перекрывая ребенку кислород из-за пережитого ночью токсикологического шока.

Я достала из кармана флакон с экстрактом красавки. В медицине не бывает чудесных исцелений "на глаз", особенно с ядами. Белладонна содержит атропин - мощнейший алкалоид и спазмолитик. Капель меньше - и каменный спазм мышц не уйдет. Капель больше - и я получу паралич дыхательного центра пациентки и два трупа к утру.

Вытащив из оставленного на столике саквояжа Платона Добротнова тонкую стеклянную пипетку, я в уме прикинула вес истощенной Авроры. Отмерила ровно четыре капли в стакан с небольшим количеством теплой кипяченой воды, приподняла влажный затылок княжны и заставила ее выпить мутноватую жидкость.

Оставалось только ждать. Я села на жесткий стул рядом с креслом, отсчитывая минуты по пульсу на ее тонком запястье. Через полчаса напряженного наблюдения под моими пальцами мышечный панцирь живота начал неохотно, но верно расслабляться. Острая угроза преждевременной отслойки плаценты миновала. Я выдохнула сквозь сжатые зубы, прекрасно понимая паршивую истину: фармакология дала нам физическую отсрочку, но разбитую психику Авроры эти капли не вылечат.

Убедившись в стабилизации пульса, я оставила у постели княжны дежурную горничную и направилась в библиотеку особняка. Мне нужно было тихое, хорошо освещенное место, чтобы разобраться с главным трофеем этой ночи.

Просторный зал тонул в полумраке, пахло старой кожей переплетов, дорогой бумагой и едва уловимым ароматом табака князя Мстислава. Я включила зеленую электрическую лампу на массивном столе, опустилась в кресло, стараясь держать спину идеально ровно из-за протестующих ребер, и раскрыла затертый "гроссбух" старой Зои.

Меня ждал полный тупик. Страницы пестрели не просто столбцами цифр. Моя криминальная предшественница, защищая свои грязные секреты, использовала дикую, параноидальную смесь из латинских аптекарских символов - знаков унций, драхм, алхимических обозначений свинца, спорыньи и мышьяка - вперемешку с обрывками слов. Мой мозг, привыкший десятилетиями расшифровывать чудовищные кардиограммы и неразборчивые почерки терапевтов, откровенно буксовал. Мне катастрофически не хватало ключа. Какого-то одного имени, даты или кодового слова, чтобы алгоритм заработал и выдал мне доказательства против Лязгова. Воспаленные от усталости и недосыпа глаза предательски слезились.

Тихий скрип дубовой двери заставил меня рефлекторно вскинуть голову, машинально накрывая тетрадь тяжелым анатомическим атласом.

В библиотеку вошел доктор Платон Добротнов. Хирург остался в особняке на ночь, чтобы проконтролировать состояние вчерашней служанки с флегмоной шеи - жест истинного профессионала, не бросающего прооперированных больных. Он был без своего безупречного сюртука, в одном строгом жилете поверх белоснежной рубашки, и выглядел непривычно измотанным.

Платон не стал рассыпаться в светских любезностях, извиняться за вторжение или оценивать мой растрепанный внешний вид. Он просто выдвинул стул и сел напротив, глядя на меня с глубоким, серьезным интересом исследователя, обнаружившего неизвестный науке феномен.

- Днем я заезжал в свою столичную клинику, Зоя, - без лишних предисловий начал доктор, понизив голос до доверительного шепота. - И привез оттуда весьма скверные новости. В медицинских кругах и полицейских участках Златограда сейчас крайне неспокойно. Ищейка Демида Лязгова, следователь Никанор, копает под вас с пугающей эффективностью.

Я молча сцепила руки в замок поверх обложки атласа, подавляя желание потереть саднящие глаза.

- Он собрал свидетелей из Заречья, - Платон чуть подался вперед, опираясь локтями о столешницу. - Они подтвердили под протокол, что прежняя Зоя плотно сидела на маковой настойке, была полуграмотной и никогда в жизни не использовала латынь. Ваша внезапная трезвость, отсутствие опиумной ломки и блестящие хирургические навыки стали для него главной уликой. Никанор уверен, что вы - внедренный агент. Он готовит ордер на ваш арест по подозрению в шпионаже и убийстве. Завтра или послезавтра вооруженные жандармы придут на этот остров. И даже князь Патронов при всей своей колоссальной власти не сможет проигнорировать официальную бумагу без публичного, разрушительного скандала.

- Отличные новости на ночь глядя, - криво усмехнулась я, чувствуя вкус горечи на губах. - И что вы предлагаете, доктор? Защитить меня в матрас или бежать вплавь до Москвы?

- Я предлагаю вам брак, - ровно и абсолютно спокойно ответил Платон.

Я не вздрогнула, не залилась румянцем и не стала картинно задыхаться от возмущения, как это принято у кисейных барышень. Мой мозг мгновенно, с холодным прагматизмом оценил ситуацию. В глазах хирурга напротив не было ни капли похоти, ни снисходительности богатого столичного барина к бедной овечке. Там светился чистый, кристальный расчет.

- Фиктивный брак, разумеется, перед Богом и законом, - уточнил Добротнов, верно истолковав мое молчание. - Статус моей законной супруги даст вам полнейший дворянский иммунитет. Жандармы не посмеют притронуться к жене столичного профессора хирургии, это вызовет бунт в университете. Месяц назад я получил официальное приглашение на работу в клинику Шарите. Мы уедем в Берлин, Зоя. Там передовая медицина. Вы сможете легально практиковать, мы станем соавторами научных трудов, перевернем акушерство. Ваш гениальный ум не должен сгнить на каторге или прятаться в темных подвалах этого дома, обслуживая чужие тайны. Это логичный, безупречный и безопасный выход для нас обоих.

Я слушала его, и внутри меня росло колоссальное уважение к этому человеку. Это действительно был идеальный план. Чистая, рафинированная логика выживания. Билет в благополучную Европу, легализация, работа в лучших светлых операционных мира без страха виселицы и грязных интриг. Все, о чем только могла мечтать женщина, загнанная в угол чужим криминальным прошлым.

- Нет, Платон, - мой баритон прозвучал в тишине библиотеки глухо, но абсолютно непреклонно.

Хирург удивленно приподнял бровь, явно не ожидая от маргиналки такого прямого и быстрого отказа от спасения.

- Во-первых, я хирург. А мы не бросаем своих тяжелых пациентов на половине пути. Аврора не выживет без моего ежедневного контроля, а ваш классический академический подход ее убьет, и вы сами, как ученый, прекрасно это понимаете, - я посмотрела прямо в его умные, светлые глаза. - А во-вторых... Я глубоко уважаю вас как врача и как выдающегося мужчину. Именно поэтому я не стану использовать вашу фамилию и вашу жизнь как удобную юридическую ширму. В своей жизни я привыкла отвечать за себя сама и не прятаться за мужскими спинами.

Мы смотрели друг на друга несколько долгих, звенящих секунд. В любом другом времени и в другом жанре отвергнутый мужчина начал бы злиться, обвинять меня в неблагодарности, женской глупости или уязвленно хлопать дверью. Но Платон был настоящим ученым и аристократом духа.

Он медленно поднялся со стула. В его взгляде читалось колоссальное, почти болезненное уважение к моему осознанному выбору.

- Вы невероятная женщина, - тихо произнес Добротнов. Он бережно взял мою покрытую красными щелочными шелушениями и царапинами руку и почтительно, словно перед ним сидела императрица, а не бабка-повитуха, поцеловал костяшки пальцев. - Простите мне мою несвоевременность. Доброй ночи.

Он ушел, бесшумно притворив за собой тяжелую створку.

Я осталась совершенно одна в обманчивой, давящей тишине огромного зала. Мои пальцы снова легли на прохладный кожаный переплет гротескбуха. Физиология отчаянно требовала сна, разбитые мышцы молили о покое, но разум оставался пугающе ясным.

Я сидела и физически ощущала, как только что своими собственными руками наглухо захлопнула бронированную дверь в безопасную, светлую жизнь в Европе. Я добровольно отрезала себе пути к отступлению, осознанно выбрав остаться на этом холодном острове, в эпицентре смертельной интриги Лязгова и в темной, затягивающей орбите министра Патронова. И самое пугающее заключалось в том, что я ни на секунду не пожалела об этом решении.

Глава 11

Любой диагноз - это шифр. Набор разрозненных симптомов, которые нужно собрать в единую, логически выверенную клиническую картину, чтобы увидеть настоящую болезнь. За двадцать пять лет работы в экстренной хирургии я научилась читать тела пациентов как открытые книги, безошибочно распознавая ложь, скрытые внутренние кровотечения и застарелые травмы.

Но сейчас передо мной лежал бумажный пациент, и мой мозг откровенно буксовал.

Я сидела в просторной библиотеке особняка Патроновых, с силой растирая саднящие от тусклого, подрагивающего электрического света глаза. На массивном столе красного дерева покоился раскрытый гротеск старой Зои. Страницы пестрели латинскими знаками унций, драхм, сложными алхимическими символами и обрывками перевернутой кириллицы. Превращая владелицу моего тела оказалась на редкость параноидальной особой. Она надежно спрятала свои грязные секреты под дикой смесью аптекарской тайнописи и личного шифра.

Чтобы не отключиться прямо над столом, я сделала большой глоток давно остывшего, горького черного чая. Прагматичная доза кофеина была единственным топливом, которое сейчас держало меня в сознании. Травмированные на брусчатке ребра ныли тягучей, пульсирующей болью, напоминая о себе при каждом неосторожном, глубоком вдохе.

Мне катастрофически не хватало "анамнеза" этого зашифрованного текста. Какого-то ключа, отправной точки, от которой можно было бы оттолкнуться для лингвистического анализа.

Сдавленный, панический вскрик дежурной горничной, донесшийся из коридора, заставил меня мгновенно отставить чашку в сторону. В этом крике не было наигранной театральности - только животный, первобытный испуг.

Я вскочила, проигнорировав протестующий хруст затекшей шеи и острую вспышку боли в грудной клетке, и быстрым шагом бросилась в левое крыло.

Возле дверей в покои Авроры я на ходу сорвала с медного крючка плотный льняной медицинский фартук и одним привычным движением накинула его поверх своего серого платья, туго завязывая тесемки на поясице. Правила строгой асептики нельзя нарушать даже в самых экстренных ситуациях, особенно когда ты работаешь с открытыми слизистыми и риском инфекции.

В спальне пахло тяжелым, пробивающим сквозь карболку потом и железистым, пугающим ароматом свежей крови.

Девочка металась на смятых простынях. Экстракт белладонны, который я ювелирно отмерила ей пару часов назад, свою задачу выполнил - каменный мышечный панцирь спал. Но глубочайшее нервное истощение и ночной кошмар, помноженный на токсикологический шок, сделали свое черное дело. Организм Авроры, не выдержав колоссального стресса, решил банально избавиться от непосильной нагрузки.

- Кровь, госпожа Зоя, - громко всхлинула дежурная горничная, в ужасе комкая в руках полотенце. - Она как закричит во сне, а потом...

Я решительно откинула край тяжелого стеганого одеяла. Маточные сокращения уже начались. На чистой ткани расплывалось отчетливое бурое пятно. Угроза самопроизвольного выкидыша перешла в острую, критическую фазу.

- Без паники. Принеси три плотных одеяла, скатай их в тугие валики и подложи ей под таз. Быстро! - жестко скомандовала я, рывком открывая кожаный саквояж, великодушно оставленный доктором Добротновым после вчерашнего визита. - Нам нужна немедленная физиологическая разгрузка органов малого таза. Гравитацию еще никто не отменял.

Пока перепуганная девчонка выполняла приказ, приподнимая бедра княжны, я набрала в стеклянный шприц сернокислую магнезию. Проверенное, агрессивное, но необходимое сейчас средство. Одной рукой я плотно зафиксировала дергающуюся ногу пациентки, а второй сделала глубокую внутримышечную инъекцию.

Княжна резко выгнулась, застонав от болезненного жжения - магнезия всегда давала мощное ощущение разливающейся горячей волны по телу. В этот момент на мой белый льняной фартук смачно брызнуло несколько темных капель с испачканной простыни.

Я даже не поморщилась. В операционных отделениях экстренной хирургии и не такое бывает. Главное - остановить запущенный процесс.

Препарат начал действовать минут через десять. Сернокислая магнезия выполнила свою прямую химическую работу: сбила тонус сосудов, затормозила центральную нервную систему, и измученное тело Авроры обмякло. Сокращения пошли на спад. Она погрузилась в тяжелый, сумеречный полусон.

Но именно в этом пограничном состоянии, когда рациональное сознание уже отключилось, а затравленное подсознание вырвалось наружу, сломалась ее психологическая плотина. Девочка начала лихорадочно бормотать, заново переживая ту самую роковую ночь.

Я не стала гладить ее по липкому лбу или шептать пустые, лицемерные утешения, как это сделали бы сиделки ее времени. Я склонилась над ней, как опытный следователь над самым ценным свидетелем, и начала цепко, слово за словом фиксировать каждую произнесенную деталь.

- Удушливый дым... - сухие, потрескавшиеся губы Авроры едва шевелились. - Горько... Кубинский табак, от него так тошнит... Он закрыл мне рот рукой...

Я затаила дыхание, боясь случайным шорохом или скрипом половицы спугнуть этот страшный, обрывочный поток памяти.

- Холодно... Металл... - она судорожно, до побелевших костяшек вцепилась в край простыни. - Тяжелое кольцо. Черный камень... Гладкий камень с гербом царапает мне щеку... Больно. Не надо.

Мой мозг диагноста мгновенно обработал полученные данные и выдал суровый результат. Настоящие кубинские сигары, которые в эту эпоху стоили баснословных денег и привозились исключительно по спецзаказу. Массивная мужская печатка с черным ониксом или агатом, украшенная фамильным гербом. Это был отнюдь не залетный гуляка-офицер, не случайный мерзавец из прислуги и не уличный бандит из трущоб. Это были стопроцентные маркеры человека колоссального богатства и крайне высокого социального статуса в империи.

Убедившись, что угроза выкидыша окончательно миновала, а пульс выровнялся, я велела горничной сесть у изголовья и не отходить от кровати ни на шаг до моего возвращения. Сама же развернулась и поспешила обратно в библиотеку.

За высокими стрельчатыми окнами начал неохотно сереть промозглый, влажный осенний рассвет, размывая контуры голых деревьев в княжеском парке.

Я рухнула в кожаное кресло и снова придвинула к себе раскрытый гроссбук. Теперь у меня был анамнез. У меня был долгожданный ключ к этой болезни. Я схватила угольный карандаш и начала лихорадочно искать визуальные совпадения на плотно исписанных страницах.

Густой дым. И черный камень.

Память прежней Зои услужливо подкинула мне значения базовых алхимических символов, которыми та так любила пользоваться. Свинец, он же планета Сатурн - часто изображался знаком, похожим на перечеркнутую букву "h", и символизировал в трактатах тяжесть, черноту и глухой камень. Я пролистала несколько страниц назад и наконец-то нашла его.

Эта специфическая комбинация - знак черного свинцового камня и стилизованный, волнистый значок курящегося дыма - стояла ровно напротив самых крупных, пугающих сумм в рублях. И, что еще важнее, она всегда соседствовала с зашифрованными рецептами на тяже-

лейшие, лошадиные дозы хлоралгидрата в смеси с экстрактом опия. Теми самыми парализующими ядами, которыми опоили несчастную Аврору.

Используя эту комбинацию как точку опоры, я применила метод криптографического анализа. У меня в голове крутилось подозрение, и я решила проверить его математически. Предполагаемое имя заказчика - Демид. Пять букв. Причем первая и последняя буквы - одинаковые.

Я начала искать в строках рядом с символом дыма короткое слово, где первый и пятый знак совпадали бы.

Нашла.

Карандаш заскрипел по дорогой бумаге, выписывая букву за буквой на чистом листе. Процесс пошел быстрее. Если этот знак - "Д", а этот - "Е", то следующие складываются сами собой по законам фонетики. Я несколько раз зачеркивала неверные варианты окончаний, подставляя слоги, пока хаотичный набор знаков окончательно не обрел пугающий, зловещий смысл.

Д... Е... М... И... Д...

Я замерла. Внутри внезапно похолодело, несмотря на спертый, нагретый чугунами батареями воздух библиотеки. Рука, словно действуя отдельно от моего застывшего разума, вывела оставшиеся символы фамилии из соседнего столбца, сложив их в единое словосочетание.

Демид Лязгов.

Главный политический противник князя Мстислава Патронова. Владелец крупнейших сталелитейных заводов. Безжалостный промышленник, чьи связи, капиталы и амбиции не знали границ.

Я отложила сточившийся карандаш на столешницу, чувствуя, как по спине медленно ползет липкий, неприятный мороз осознания. Как взрослый человек, привыкший работать с кризисными, масштабными ситуациями, я мгновенно поняла всю глубину этой дьявольской интриги.

Это не было случайной похотью богатого извращенца. Это был хладнокровный, блестяще спланированный политический теракт. Лязгов не просто опоил и обрюхатил молодую, доверчивую девочку. Он целенаправленно осквернил единственную сестру главы тайной полиции, чтобы в нужный, стратегически выгодный момент вывалить этот грязный позор на суд высшего света. Скандал такого уровня неминуемо приведет к немедленной отставке Мстислава, краху его министерской карьеры, суду и полному уничтожению чести всего древнего рода Патроновых.

А старая Зоя-шантажистка, чье тело я сейчас занимала по иронии судьбы, была прямым соучастником этого чудовищного преступления. Она продала людям Лязгова парализующий раствор и свое молчание за те самые тусклые монеты, пересчет которых так ясно подкидывала мне чужая память.

Я с силой захлопнула кожаный переплет тетради, подняв в воздух облачко невидимой книжной пыли. У меня в руках находилась бомба, способная стереть с лица империи одного из самых могущественных людей. Или разорвать на куски меня саму, если я сделаю неверный шаг. Идти с этими доказательствами к доктору Платону или кому-то из начальников охраны было бессмысленно и смертельно опасно. В таких играх на выживание доверять можно только главному игроку.

Я не стала тратить драгоценное время на то, чтобы переодеться или приводить себя в порядок у зеркала. Скрывать преступление государственного масштаба даже лишние десять минут - недопустимая преступная халатность.

Схватив тяжелый грессбух, я решительным шагом вышла из библиотеки. Я прекрасно знала, как сейчас выгляжу со стороны. Бледная от бессонницы, с наскоро стянутыми волосами,

в простом сером платье и помятом медицинском фартуке, на котором отчетливо рдели свежие бурые пятна чужой крови.

Мой путь лежал сквозь анфиладу темных комнат прямо в правое крыло. Туда, где располагались личные покои хозяина острова.

- Стоять, - хрипло скомандовал один из ночных охранников, преграждая мне путь тяжелой алебардой, когда я вплотную приблизилась к заветной двери. - Его светлость не велел беспокоить до завтрака...

- Отошел с дороги, - мой баритон ударил по нему низко, жестко, как лязг хирургического зажима о стальной лоток. - Или к вечеру ты пойдешь под трибунал Канцелярии за сокрытие государственной измены.

Охранник опешил, его глаза расширились от моей профессиональной, ледяной наглости, и этого секундного замешательства мне вполне хватило. Я оттолкнула в сторону древко его оружия, уверенно положила ладонь на холодную медную ручку и распахнула тяжелую створку, шагнув в кабинет министра.

Глава 12

Тяжелая дубовая створка поддалась с глухим, маслянистым скрипом. Охранник в полутемном коридоре дернулся было перехватить меня поперек груди древком алебарды, но я просто сдвинула преграду локтем, не сбавляя шага и не меняя выражения лица. Тратить время на светские расшаркивания, умывание и смену испачканного гардероба, когда в руках находится прямое доказательство государственного заговора - непростительная, преступная халатность. Любая минутная задержка могла стоить нам стратегического преимущества.

Стылый, промозглый осенний рассвет только начал неохотно пробиваться сквозь высокие стрельчатые окна министерского кабинета. Князь Патронов не спал. Глава тайной полиции сидел за своим массивным рабочим столом в безупречно застегнутом темном жилете поверх белоснежной сорочки и методично просматривал утренние агентурные сводки.

Мое появление было бесцеремонным. В нагретый воздух кабинета, привычно пахнущий дорогим кубинским табаком, старой бумагой и качественной оружейной смазкой, мгновенно вторгся резкий, больничный дух хлорной извести, смешанный с тошнотворным, сладковатым ароматом свежей крови.

Мстислав поднял голову. В его пронзительных черных глазах не промелькнуло ни капли аристократического возмущения моим самоуправством. Взгляд контрразведчика с пугающей скоростью просканировал мою растрепанную фигуру и намертво зафиксировался на бурых пятнах, густо усеявших белый льняной фартук. Линия квадратной челюсти князя мгновенно окаменела, пальцы сжали перьевую ручку с такой силой, что деревянный корпус тихо хруснул.

- Она жива, - мой голос разрезал тяжелую тишину прежде, чем он успел задать вопрос. Я подошла вплотную к краю столешницы. - Выкидыш купирован. Кровотечение остановлено, спазм гладкой мускулатуры снят алкалоидами. Пациентка сейчас спит, угрозы для плода больше нет. Но я пришла сюда не за тем, чтобы дать утреннюю медицинскую консультацию.

Я с силой швырнула затертый кожаный грессбух прямо поверх идеально разложенных документов. Книжная пыль едва заметным сизым облачком взметнулась над зеленым сукном.

- В медицине самое важное - правильно собрать анамнез, ваша светлость, - я оперлась покрасневшими от едкого мыла костяшками о стол, заставляя себя игнорировать пульсирующую боль в отбитых ребрах. - Когда токсикологический шок начал отступать, ваша сестра начала говорить. Вернее, бредить вслух, заново переживая травму. Никакого тайного романа или юношеской глупости не было. Девочку целенаправленно, расчетливо и очень жестоко ополчили.

Мстислав не шелохнулся. Он слушал меня так, как слушают генералы перед решающей битвой - отсекая лишние эмоции, впитывая только сухие, голые факты.

- Симптоматика, которую она выдала, классическая для криминальной токсикологии, - продолжила я, чеканя каждое слово. - Глубокая мышечная слабость, физическая невозможность пошевелиться или крикнуть при сохранении обрывков ясного сознания. Это работал хлоралгидрат в адской смеси с концентрированным экстрактом опия. Преступник даже не пытался скрыть специфический вкус раствора, он просто замаскировал его горечь тяжелым, густым дымом в закрытой комнате. Аврора отчетливо помнит запах крепких сигар. А еще она запомнила вес и фактуру чужой руки. Массивная мужская печать с гладким черным камнем. Оникс или агат, украшенный выступающим, резным гербом. Он оцарапал ей щеку, когда ей жестко зажимали рот.

Я замолчала, давая информации осесть. Мне не нужно было разжевывать выводы или строить из себя детектива. Я видела, как безупречный, математический мозг министра мгновенно складывает медицинскую физиологию с социальными маркерами столицы. Настоящий импортный табак в эту эпоху стоил баснословных денег и привозился исключительно по спец-

заказам для очень узкого круга лиц. Массивная фамильная печатка с черным камнем была не просто украшением, а символом конкретной родовой власти. Насильником оказался не случайный залетный армейский офицер и уж тем более не гуляка из зареченских трущоб.

Кожа на скулах Мстислава натянулась, губы превратились в тонкую, безжалостную линию. Он понял.

- Это не все, - я потянулась к тетради и рывком раскрыла жесткий переплет на середине.

- Прошлая Зоя, чье тело я сейчас занимаю по злой иронии судьбы, была выдающимся параноиком. Она шифровала доходы от своих грязных дел дикой смесью аптекарской латыни и алхимических знаков. Но имея на руках факты от Авроры, я смогла найти алгоритм. Смотрите сюда.

Я ткнула пальцем с обломанным ногтем в густую вязь выцветших чернильных символов.

- Вот этот знак, похожий на перечеркнутую букву "h", в трактатах означает свинец. Глухой, тяжелый, черный камень. А рядом с ним - стилизованный символ курящегося дыма. Эта конкретная комбинация стоит ровно напротив самых крупных сумм в рублях. И она же всегда соседствует с рецептурными знаками на те самые лошадиные дозы парализующих веществ.

Мстислав чуть подался вперед. Его плечо оказалось в нескольких дюймах от моего. Запах его одеколона на мгновение перебил больничный дух моей одежды.

- Даты этих щедрых выплат с точностью до недели совпадают с тем периодом, когда ваша сестра была обесчещена, - мой голос стал тише, но приобрел свинцовую тяжесть. - Я подставила буквы по законам фонетики, взяв за основу имя вероятного владельца черного камня и любителя сигар. Посмотрите на соседний столбец. Я выписала перевод. Транзакция закрыта.

Князь медленно опустил взгляд на цепочку символов, под которыми моим неровным, торопливым почерком была выведена расшифровка.

- Демид Лязгов, - негромко, глухо, без единой интонации прочитал Мстислав.

Имя крупнейшего сталелитейного промышленника империи и главного политического врага клана Патроновых повисло в утреннем воздухе кабинета, словно невидимая петля.

- Это не похоть стареющего извращенца, князь, - я выпрямила спину, чувствуя, как протестующе хрустнули позвонки. - И не случайная трагедия. Это хладнокровный, многомесячный политический теракт. Он целенаправленно оплодотворил вашу сестру. Лязгов не собирался ее убивать, ему нужен был живой инкубатор. Он ждал. Ждал, когда живот вырастет настолько, что беременность станет физически невозможно скрыть от прислуги, а значит - и от всего общества. А потом он вывалил бы этот грязный, неопровержимый позор в утренние светские газеты Златограда. Суд высшего света, крах вашей личной репутации министра, немедленная отставка и полное уничтожение чести вашей семьи. Блестящая, циничная операция по устранению конкурента руками невинного ребенка.

Глаза Мстислава медленно поднялись от бумаги. В них клубилась такая первобытная, темная ярость, от которой у любого нормального человека заledenела бы кровь и отказали ноги. Но я привыкла смотреть в лицо смерти в реанимациях, и чужой гнев, даже такой разрушительный, меня не пугал.

Я сделала то, чего не сделала бы ни одна женщина в моем зависимом, хрупком положении. Я не стала строить из себя жертву обстоятельств или трусливо перекладывать ответственность.

- Прошлая владелица моего тела была прямым соучастником этого теракта, - твердо заявила я, выдерживая его распиливающий взгляд. - Она продала людям Лязгова этот яд. И она же регулярно тянула из них огромные деньги за свое молчание, пока ее не сдали полиции. Мои руки формально испачканы в этом деле, и ордер на мою казнь все еще лежит в вашем ящике. Но прямо сейчас я отдаю вам не просто догадки. Я отдаю вам документально подтвержденную бомбу. Этот гроссбух - билет на эшафот для Демиды Лязгова за государственную измену.

Адреналиновый шторм, державший меня в тонусе последние часы, начал стремительно угасать. Жестокая слабость навалилась на плечи, ребра скрутило тупым, выматывающим спазмом. Я крепко сцепила зубы, чтобы не издать жалкого стоны, и тяжело оперлась обеими руками о деревянную спинку гостевого кресла.

Мстислав медленно выпрямился. Невидимая иерархия в этой комнате только что дала непоправимую, глубокую трещину. Он смотрел на меня не как на грязную повитуху, которую вытащил из тюрьмы под угрозой петли. В его взгляде читался ледяной, расчетливый восторг хищника, обнаружившего рядом с собой равного союзника. Женщину, которая могла продать эту тетрадь Лязгову за миллионы или использовать ее для шантажа самого князя, но пришла прямо в логово тайной полиции, бросив карты на стол.

Князь протянул руку в безупречно чистой манжете и положил широкую ладонь поверх кожаного переплета гротескных, словно запечатывая наш негласный, обоюдоострый пакт.

- Взять промышленника такого уровня без скандала почти невозможно, у него половина Сената на жаловании, - голос Мстислава прозвучал вибрирующе низко, обнажая работу его стратегического ума. - Но с этими бумагами я смогу обойти суд присяжных и провести арест по линии тайной Канцелярии. Ты принесла мне голову моего врага на блюде, Зоя. И ты получишь за нее свою цену.

Он обогнул стол и остановился так близко, что я кожей почувствовала исходящий от него жар.

- С этой секунды ты находишься под моей личной, абсолютной юрисдикцией. Ни одна ищейка в столице не посмеет задать тебе вопрос. Иди к пациентке. Я начинаю войну.

Глава 13

Когда называешь вслух имя смертельной болезни, плотность воздуха в палате всегда неумовимо меняется. Это неумолимый физический закон, который я усвоила за десятилетия практики. Пациент замирает, родственники перестают дышать, и даже пылинки в лучах утреннего света словно останавливают свой хаотичный танец. В просторном кабинете министра тайной полиции сейчас произошло то же самое. Только вместо латинского диагноза на зеленом сукне стола лежал старый кожаный гроссбух, а вместо названия неоперабельной опухоли прозвучало имя Демида Лязгова.

Мстислав Патронов не вскочил с кресла. Он не стал бить кулаком по столу, швырять дорогие чернильницы в стену или изрыгать проклятия, как это сделал бы любой уязвленный аристократ в дешевом бульварном романе. Его реакция была пугающе, почти нечеловечески сдержанной. Линия квадратной челюсти мгновенно окаменела, а длинные пальцы, затянутые в безупречно чистые белые манжеты, медленно опустились на исписанную страницу тетради, словно придавливая врага к плахе.

- Он ждал осенней сессии Государственного Совета, - голос князя прозвучал негромко, но в этой обманчивой ровности явственно скрежетал голый металл. - Через два месяца беременность Авроры стало бы физически невозможно скрывать под домашними платьями. Демид планировал подкупить кого-то из старшей прислуги, чтобы слух пополз по столичным салонам. Затем - анонимная заметка в утренних газетах. Беременная, незамужняя сестра главы Особой Канцелярии, скрываемая в островном особняке.

Мстислав поднял на меня свои пронзительные, темные глаза. В них не было ни капли отрицания очевидного. Только безжалостный, математический расчет опытного контрразведчика, оценивающего масштаб предотвращенной катастрофы.

- Идеальный, выверенный до миллиметра удар, Зоя, - продолжил министр, и его взгляд потяжелел. - Император консервативен. Он не потерпит человека на посту главы тайной полиции, чей собственный род погряз в таком разврате. Меня бы вынудили подать прошение об отставке еще до начала официальных слушаний по новым оборонным контрактам. Тем самым контрактам, которые сталелитейные заводы Лязгова пытаются монополизировать любой ценой. Он использовал тело восемнадцатилетней девочки как удобный политический инструмент, чтобы бескровно убрать меня с шахматной доски.

Я стояла у края столешницы и чувствовала, как меня начинает бить мелкая, мерзкая, неконтролируемая дрожь. Адреналиновый шторм, который держал меня в тонусе всю бессонную ночь, проведенную в борьбе за сохранение жизни Авроры и ее нерожденного ребенка, стремительно угасал. На его место ожидаемо приходила суровая физиологическая расплата.

Жесткие корки на ободранных о брусчатку коленях стягивали кожу под плотной серой юбкой, грозя лопнуть при малейшем сгибании суставов. Отбитые кованым сапогом конвоира ребра мстили за каждое резкое движение во время ночной реанимации тягучей, простреливающей болью. Мне приходилось дышать мелко, одними ключицами, чтобы не спровоцировать новый мышечный спазм. Белый льняной медицинский фартук, наспех надетый поверх платья, оттягивал шею, а подсыхающие на нем бурые пятна крови княжны источали тяжелый, железистый запах, смешиваясь с едким ароматом хлорной извести, намертво въевшимся в мои руки.

- Вы правы, ваша светлость, - я оперлась костяшками пальцев о деревянный край стола, заставляя себя держать спину ровно и не сутулиться. - В медицине мы называем это паразитированием. Когда один организм целенаправленно разрушает другой ради собственного беспрепятственного роста. Но теперь у вас есть антидот. Эта тетрадь - прямое, задокументированное доказательство того, что люди Лязгова регулярно покупали парализующие токсины. У вас есть даты, суммы и химический состав яда.

Князь медленно поднялся. Он обошел массивный рабочий стол и направился к высокому шкафу из темного дерева в углу кабинета. Раздался тихий, деликатный звон хрусталя. Мстислав вернулся, держа в руках два тяжелых граненых стакана, на дне которых плескалась янтарная жидкость. Один из них он молча, не терпящим возражений жестом протянул мне.

Я не стала жеманиться, строить из себя кисейную барышню-трезвенницу или возмущаться неуместностью предложенного алкоголя на рассвете. Как врач, я прекрасно знала химию процесса. Крепкий, выдержанный коньяк в таких малых дозах - это превосходный вазодилататор. Он быстро расширяет сосуды, разгоняет кровь и эффективно снимает мышечный тремор. Сейчас это было именно то лекарство, в котором отчаянно нуждалась моя измученная нервная система.

Взяв стакан, я сделала один большой глоток. Обжигающая жидкость прокатилась по пищеводу, ударила в желудок и почти мгновенно начала расходиться по телу спасительным теплом, расслабляя скрученные судорогой межреберные мышцы.

Мстислав не сводил с меня внимательного, сканирующего взгляда. Он шагнул ближе, нарушая привычную дистанцию субординации. Запах его хорошего табака на мгновение перекрыл больничный дух моей одежды.

- Ты могла продать этот грессбук самому Лязгову за сотни тысяч рублей, - негромко произнес князь, глядя на меня сверху вниз. - Могла использовать его, чтобы шантажировать меня, требуя не просто свободу от петли, а обеспеченную жизнь где-нибудь в Швейцарии. Вместо этого ты пришла прямо в логово Канцелярии в перепачканном кровью фартуке и выложила свои козыри мне на стол.

- Шантажировать главу тайной полиции в его же собственном доме - это верный способ закончить свою жизнь на дне реки с пудовым камнем на шее, - криво усмехнулась я, чувствуя, как уходит режущая боль в грудной клетке. - Я предпочитаю иметь дело с законами логики, а не с криминальной романтикой из бульварных книжек. Мне нужно, чтобы моя пациентка выжила и родила здорового ребенка. А вам нужно, чтобы Лязгов сгнил на каторге или на эшафоте. Наши интересы полностью совпали.

Мстислав поднял руку. Его сильные пальцы почти невесомо, но крайне собственнически коснулись жесткого льна моего окровавленного фартука на левом плече. В этом жесте не было ни грамма фальшивой любовной лирики или попытки соблазнения. Это была печать сюзерена, принимающего надежного вассала под свой личный, непробиваемый щит.

- С этой секунды, Зоя, твоя жизнь, твое криминальное прошлое и твоя безопасность - моя личная зона ответственности, - его слова падали в тишину кабинета тяжело, как гранитные блоки. - Ни одна жандармская ищейка в столице не посмеет задать тебе вопрос. Ни один городской суд не выпишет новый ордер. Ты принесла мне удавку для моего главного врага, и я гарантирую тебе защиту, которую не сможет оспорить даже сам император.

Момент острого, искрящегося доверия между двумя прагматичными людьми оборвался так же внезапно, как и возник.

Стеклянные колбы электрических ламп под высоким потолком кабинета издали жалобный, нарастающий звон. Вольфрамовые нити накаливания вспыхнули неестественно ярким, режущим глаза белым светом. Гудение тока в стенах на долю секунды стало невыносимо громким, а затем свет разом погас. Просторный министерский кабинет мгновенно погрузился в серые, промозглые сумерки раннего осеннего утра. В воздухе отчетливо запахло озоном и паленой изоляцией.

Ни один из нас не вздрогнул, не издал испуганного вздоха и не стал задавать глупых вопросов о том, что случилось.

- Генератор, - сухо констатировал Мстислав, отступая на шаг от меня и мгновенно переключаясь в режим боевой готовности. - Автономная паровая машина острова принудительно остановлена извне.

- Аврора, - мой мозг диагноста сработал на опережение, выстраивая причинно-следственные связи. - Девочка осталась в палате только с дежурной горничной. Если она проснется в полной темноте после перенесенного ночного токсикологического шока, у нее начнется тяжелая паническая атака. Выброс кортизола в кровь неминуемо спровоцирует новый спазм маточной мускулатуры. Мне нужно срочно зажечь керосиновые лампы в левом крыле.

Я с тихим стуком поставила недопитый стакан на стол, собираясь направиться к двери, но замерла на месте.

С нижнего этажа, со стороны парадного гранитного холла, донесся приглушенный перекрытиями, но тяжелый, скрежещущий удар. Звук выбиваемой массивной преграды. А секундой позже тишину особняка разорвал сухой, ритмичный треск револьверных выстрелов. Это не было хаотичной пальбой пьяных грабителей или случайной стычкой. Оружие работало методично, системно подавляя очаги сопротивления немногочисленной ночной охраны.

Дверь кабинета рывком распахнулась, с силой ударившись медной ручкой о дубовую панель стены.

На пороге возник Емельян. Начальник охраны не вошел, он буквально ввалился внутрь, тяжело опираясь здоровой правой рукой о дверной косяк. Левый рукав его просторного суконного пальто был разорван от плеча до самого локтя. По темной ткани стремительно расплзлось огромное, мокрое пятно, капли которого уже тяжело шлепались на натертый мастикой паркет.

Мой профессиональный взгляд мгновенно выхватил критическую клиническую деталь: кровь была ярко-алой, и она пульсировала толчками, синхронно с частотой сердечных сокращений. Пробита плечевая артерия. При такой массивной кровопотере крепкий мужчина теряет сознание через три-четыре минуты, а через десять наступает необратимый финал из-за гипоксии мозга.

- Докладывай, - ледяным тоном скомандовал князь, не тратя драгоценных секунд на бессмысленные охи над раненым служащим.

- Прорыв внешнего периметра, ваша светлость, - хрипло, судорожно сглатывая подступающую тошноту, отчеканил Емельян. - Высадились с парового катера со стороны старой пристани под прикрытием утреннего речного тумана. Около двадцати человек. Одеты в форму столичной жандармерии, но двигаются и работают как наемники.

- Кто ведет отряд?

- Следователь Никанор. Цепной пес Демида, - Емельян глухо застонал, перехватывая разорванное плечо правой кистью, пытаясь пальцами зажать пульсирующий фонтан. - Они машут какими-то официальными бумагами. Требуют выдать государственную преступницу и убийцу Зою Покудову для немедленного этапирования в городскую тюрьму. Заявляют, что имеют право на силовой обыск любого помещения при сопротивлении.

Пазл сложился с тошнотворной, железобетонной ясностью. Лязгов понял, что его беглая шантажистка не просто жива, а прячется в самом охраняемом месте столицы. И он пошел ва-банк. Оформил через своих купленных чиновников в суде официальный ордер, чтобы под видом законной полицейской операции ворваться в дом политического противника, изъять меня живой или мертвой и уничтожить компрометирующий grossбух. Если Мстислав попытается остановить жандармов силой, его на следующий же день обвинят в укрывательстве убийцы и вооруженном мятеже против закона. Безупречная, дьявольская юридическая ловушка.

Инстинкт хирурга ударил по оголенным нервам мощнее любого животного страха. Я шагнула вперед, на ходу запуская пальцы в глубокий карман фартука в поисках куска прочной ткани для жгута.

- Нужно немедленно пережать артерию, иначе он истечет кровью прямо на этом ковре! - рывкнула я, напроочь забыв о субординации.

Но я не успела сделать и двух шагов к раненому.

Мстислав действовал с пугающей скоростью тренированного хищника. Его правая рука стальной, непреодолимой хваткой сомкнулась на моем предплечье, резким рывком отдергивая меня назад. Острая боль вспыхнула в плечевом суставе, но я не успела даже возмутиться.

Левой рукой князь сгреб со стола затертый кожаный гроссбух. Один широкий шаг к стене - и тяжелый том полетел в открытый зев встроенного стального сейфа. Лязгнул массивный поворотный механизм, намертво запечатывая улики.

Из верхнего ящика стола Мстислав выхватил крупнокалиберный армейский револьвер. Короткий, сухой щелчок взводимого курка показался оглушительным в наступившей звенящей паузе.

В коридоре уже грохотал топот тяжелых кованых сапог, сметая последние очаги сопротивления на винтовой лестнице. Звон разбитого стекла и грубые мужские крики неумолимо приближались к кабинету министра.

Мстислав с силой толкнул меня за свою широкую спину, физически отрезая от линии возможного огня. Он задвигал меня не как слабую, нуждающуюся в опеке женщину, а как ценнейший стратегический ресурс, который обязан выжить в этой бойне любой ценой.

В дверном проеме, грубо оттеснив слабеющего Емельяна плечом, возник грузный силуэт в серой жандармской шинели. Тусклый свет рассвета зловеще блеснул на вороненом стволе табельного оружия, которое незваный гость уже поднимал для прицельного выстрела.

Лицо князя Патронова превратилось в каменную маску абсолютного, первобытного разрушения. Он не стал зачитывать права, не стал требовать ордер или грозить своим министерским статусом.

Раздался оглушительный грохот - Мстислав выстрелил первым, целясь прямо в центр серой грудной клетки.

Глава 14

Крупнокалиберная пуля,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.